

Энциклика о Святом Духе в жизни Церкви и мира

1986.05.18

Энциклика Его Святейшества Папы Римского Иоанна Павла II о Святом Духе в жизни Церкви и мира

Введение

Часть I. Дух Отца и Сына, дарованный Церкви

1. Обетование и откровение Иисуса на Тайной Вечере
2. Отец, Сын и Дух Святой
3. Бог дарует Себя в Духе Святом для нашего спасения
4. Мессия, Святого Духа Помазанник
5. Иисус из Назарета, «возвышенный» в Духе Святом
6. Воскресший Христос говорит: «Примите Духа Святого»
7. Дух Святой и время Церкви

Часть II. Дух, обличающий мир о грехе

1. Грех, справедливость и суд
2. Свидетельство дня Пятидесятницы
3. Свидетельство о начале: реальность первородного греха
4. Дух, преображающий страдание в спасительную любовь
5. Кровь, очищающая совесть
6. Грех против Духа Святого

Часть III. Дух Животворящий

1. Основание для Юбилея 2000 г.: Христос, зачатый Духом Святым
2. Основание Юбилея: явление благодати
3. Дух Святой во внутреннем конфликте человека: «ибо плоть желает противного духу, а дух - противного плоти»
4. Святой Дух укрепляет «внутреннего человека»
5. Церковь, таинство внутреннего единения с Богом

Заключение

Досточтимые братья,
возлюбленные сыновья и дочери,
приветствие вам и Апостольское Благословение!

ВВЕДЕНИЕ

1. Церковь исповедует свою веру в Духа Святого, «Господа Животворящего» («Господа и Подателя Жизни»). Она исповедует ее в Символе Веры, именуемом Никео-Константинопольским в память о двух Соборах – в Никее (325 от Р. Х.) и в Константинополе (381 от Р. Х.), где этот Символ был составлен и провозглашен. В нем сказано также, что Дух Святой «вещал через пророков».

Эти слова Церковь принимает от самого Источника ее веры, от Иисуса Христа. В самом деле, по Евангелию от Иоанна, Дух Святой дарован нам вместе с новой жизнью, как возвещает и обещает Иисус в великий день Праздника Кущей: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой»¹. И Евангелист поясняет: «Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него»². Это тот же образ воды, которым Иисус пользуется в Своей беседе с женщиной-самарянкой, когда говорит об «источнике воды, текущей в жизнь вечную»³, и в разговоре с Никодимом, когда говорит о необходимости нового рождения «от воды и Духа» для того, чтобы «войти в Царствие Божие»⁴.

Поэтому Церковь, наученная словом Христовым и обращаясь к опыту Пятидесятницы и собственной апостольской истории, с самых первых веков провозглашает свою веру в Духа Святого как Подателя жизни, в Котором непостижимый Троиственный Бог сообщает Себя людям, образуя в них источник жизни вечной.

2. Эта вера, неизменно исповедуемая Церковью, должна постоянно оживляться и углубляться в сознании Народа Божьего. В течение последнего столетия это происходило неоднократно: от Папы Льва XIII, издавшего энциклику *Divinum illud munus* (1897), полностью посвященную Духу Святому, Папы Пия XII, который в энциклике *Mystici Corporis* (1943) говорил о Духе Святом как о жизненном начале Церкви, в которой Он действует в единстве с главою Мистического Тела, Христом⁵, и до II Ватиканского Вселенского Собора, указавшего на необходимость обновления учения о Святом Духе. Папа Павел VI сказал об этом: «За христологией и особенно экклесиологией Собора должны последовать новое изучение и новое почитание Духа Святого, как необходимое дополнение к учению Собора»⁶.

И в наше время, таким образом, древняя, но всегда новая вера Церкви призывает нас приблизиться к Духу Святому как к Жизнеподателю. Здесь нам служит поддержкой и побуждением духовное наследие, разделяемое с Восточными Церквями, которые с великой заботой сберегли необычайное богатство учения Отцов о Духе Святом. Уже поэтому мы можем сказать, что одним из важнейших церковных событий последних лет стало празднование 1600-летия Первого Вселенского Собора в Константинополе, проведенное одновременно в Константинополе и в Риме, в торжество Пятидесятницы в 1981 г. Тогда, благодаря размышлению о тайне Церкви, Святой Дух еще явственнее проявился как Тот, Кто указывает пути, ведущие к единству христиан, как высший источник этого единства,

исходящего от Самого Бога. Апостол Павел особым образом выразил это словами, которыми часто начинается Евхаристическая Литургия: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Духа Святого да будет со всеми вами»⁷.

Из этого призыва исходили, в определенном смысле, и были вдохновлены им мои предыдущие энциклики *Redemptor hominis* и *Dives in misericordia*, посвященные событию нашего спасения, осуществленного Сыном, посланным Отцом в мир, «чтобы мир спасен был чрез Него»⁸, и чтобы «всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца»⁹. Этот же призыв лег в основу и настоящей энциклики о Духе Святом, от Отца и Сына исходящем; Которому вместе с Отцом и Сыном подобают поклонение и слава, Одним из Божественных Лиц, Которое (...) пребывает в центре христианской веры и является источником и живой силой обновления Церкви¹⁰. Энциклика берет начало в самом сердце наследия Собора. Ибо соборные тексты, благодаря их учению о Церкви как таковой и о Церкви в мире, побуждают нас глубже проникать в Троичную тайну Самого Бога через Евангелия, учение Отцов и Литургию – к Отцу, через Христа, во Святом Духе.

Таким образом Церковь отвечает и некоторым глубоким чаяниям, которые она различает сегодня в людских сердцах: стремлению к новому открытию Бога в Его трансцендентной действительности бесконечного Духа, каким Его представляет Христос женщине-самарянке; потребности поклоняться Ему «в Духе и истине»¹¹; надежде обрести в Нем тайну любви и силу «нового творения»¹² – то есть обрести в нем именно Подателя Жизни.

К такой миссии – возвещать о Духе – Церковь сознает себя призванной, приближаясь со всем человечеством к концу второго тысячелетия от Рождества Христова. Перед лицом неба и земли, которые «прейдут», она хорошо знает, что «слова, которые не прейдут»¹³, становятся особо красноречивыми. Это слова Христа о Духе Святом, неисчерпаемом источнике «воды, текущей в жизнь вечную»¹⁴, то есть слова истины и спасительной благодати. Над этими словами она желает размышлять, к этим словам она желает привлечь внимание верующих и всех людей, готовясь праздновать – о чем будет сказано позже – великий Юбилей, коим будет отмечен переход от второго тысячелетия христианства к третьему.

Естественно, что нижеследующие размышления не ставят своей целью дать исчерпывающее рассмотрение богатейшего учения о Духе Святом или помочь разрешению некоторых вопросов, все еще остающихся открытыми. Их главная цель – развить в Церкви осознание того, что «Святой Дух побуждает ее содействовать тому, чтобы замысел Бога, Который поставил Христа Началом спасения всему миру, успешно завершился»¹⁵.

ЧАСТЬ I

ДУХ ОТЦА И СЫНА, ДАРОВАННЫЙ ЦЕРКВИ

1. Обетование и откровение Иисуса на Тайной Вечере.

3. Когда для Иисуса приблизилось время, чтобы оставить этот мир, Он возвестил апостолам о «другом Утешителе»¹⁶. Евангелист Иоанн, присутствовавший при этом, пишет, что во время Тайной Вечери, накануне Своих страданий и смерти, Иисус обращается к ним с такими словами: «И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в

Сыне... и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины»¹⁷.

Именно Его – Духа истины, Иисус именует Параклитом, а *Parakletos* значит «Утешитель», а также «Ходатай» или «Заступник». Иисус говорит, что Параклит – это «другой» Утешитель, второй, ибо Он Сам есть первый Утешитель¹⁸, поскольку Он первый приносит и дарует Благою Весть. Дух Святой приходит вслед за Ним и благодаря Ему, чтобы продолжить в мире, посредством Церкви, дело Благой Вести спасения. Об этом продолжении совершения Своего дела Духом Святым Иисус говорит неоднократно во время того же прощального слова, готовя собравшихся в Сионской Горнице апостолов к расставанию с Ним, а именно к Своим Страстям и к Своей Крестной Смерти.

Слова, на которые мы здесь ссылаемся, находим в Евангелии от Иоанна. Каждое из них добавляет новые элементы к этому возвещению и обетованию. И в то же время они глубоко взаимосвязаны, не только в том, что касается самих событий, но и в том, что касается тайны Отца, Сына и Духа Святого, которая, вероятно, ни в одном тексте Священного Писания не получает столь яркого выражения, как здесь.

4. Вскоре после упомянутого возвещения Иисус добавляет: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам»¹⁹. Дух Святой станет Утешителем апостолов и Церкви, всегда пребывая посреди них, хотя и незримо, как Учитель той же Благой Вести, которую возвестил Иисус. Это «научение» и «напоминание» означает не только то, что Он, присутим Ему образом, продолжит содействовать распространению спасительной Вести, но и то, что Он поможет людям правильно понимать содержание Вести Христовой, т.е. обеспечит ей преемственность и тождественность ее понимания в изменчивых условиях и обстоятельствах. Дух Святой, таким образом, позаботится о том, чтобы в Церкви всегда пребывала та истина, которую апостолы услышали от своего Наставника.

5. Передавая Благою Весть, апостолы будут особым образом связаны с Духом Святым. Вот как об этом говорит Иисус: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною»²⁰.

Апостолы были непосредственными очевидцами и свидетелями. Они «слышали» и «видели своими очами», «рассматривали» и даже «осязали» Христа, как пишет в другом месте евангелист Иоанн²¹. Их человеческое, непосредственное и «историческое» свидетельство о Христе связано со свидетельством Духа Святого: «Он будет свидетельствовать о Мне». В свидетельстве Духа истины человеческое свидетельство апостолов обретет самую крепкую опору. И, затем, в Нем оно обретет также и глубинное основание своего продолжения на протяжении веков – в грядущих одно вслед другому поколениях Христовых учеников и верующих.

Если Сам Иисус Христос является высшим и наиболее полным откровением Бога человечеству, то свидетельство Духа вдохновляет, определяет и удостоверяет верную передачу этого откровения в проповеди и писаниях апостолов²², а само апостольское

свидетельство обеспечивает его человеческое выражение в Церкви и в истории человечества.

6. Это становится очевидным также из тесной взаимосвязи содержания и цели вышеупомянутого предсказания и обетования, из взаимосвязи, отраженной в следующих словах текста Иоанна: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам»²³.

В Своих предыдущих словах Иисус говорил об Утешителе, Духе истины, как о Том, Кто «научит» и «напомнит», а также как о Том, Кто «будет свидетельствовать» о Нем. Теперь говорит о Нем: «Он ... наставит вас на всякую истину». Это «наставление на всякую истину», являющееся намеком на то, чего апостолы «теперь не могут вместить», необходимым образом связано с унижением Христа в Его Страстях и Крестной смерти, время которых в тот момент, когда Он произносил эти слова, уже было близко.

Позже, однако, становится ясно, что это «наставление на всякую истину» относится не только к позору Креста, но и ко всему тому, «что... делал и чему учил» Христос²⁴. Ибо вся тайна Христа в целом требует веры, поскольку именно вера должным образом вводит человека в реальность открываемой тайны. Следовательно, «наставление на всякую истину» обретается в вере и через веру: и это – дело Духа истины и результат действия Его в человеке. В этом деле Святой Дух должен быть высшим руководителем человека и светочем человеческого духа. Это относится к апостолам, очевидцам, которым отныне надлежит донести до всех людей весть о том, что Он «делал и чему учил», а особенно – весть о Его Кресте и Воскресении. В более отдаленной перспективе это касается также и всех поколений учеников и исповедников Учителя, ибо им надлежит воспринять с верой и исповедовать с чистым сердцем тайну Бога, действующего в человеческой истории, тайну, открытую человеку для того, чтобы объяснить конечный смысл этой истории.

7. Итак, в домостроительстве спасения между Духом Святым и Христом существует тесная связь, через которую Дух действует в истории человечества как «другой Утешитель», постоянно обеспечивая передачу и распространение Благой Вести, явленной Иисусом из Назарета. И в Духе Святом – Параклите, неизменно продолжающем в тайне Церкви и в ее деятельности историческое присутствие Искупителя на земле и Его спасительное дело, сияет слава Христова, о чем свидетельствуют следующие слова ап. Иоанна: «Он [Дух истины] прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам»²⁵. Эти слова еще раз подтверждают все сказанное ранее: «Он научит..., напомнит..., будет свидетельствовать». Высшее и окончательное самооткровение Бога, свершившееся во Христе и засвидетельствованное проповедью апостолов, продолжает проявляться в Церкви благодаря миссии незримого Утешителя, Духа истины. Насколько тесно эта миссия связана с миссией Христа, сколь глубоко она черпает из нее силы, упрочивая и развивая в истории ее спасительные плоды, выражено словом «возьмет»: «от Моего возьмет и возвестит вам». Как бы поясняя слова «Он возьмет», подчеркивая Божественное и Тройственное единство источника этой миссии, Иисус добавляет: «Все, что имеет Отец, есть Мое; поэтому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам»²⁶. Беря от «Моего», Он тем самым берет от того, «что имеет Отец».

В свете (...) слов «Он возьмет» можно также объяснить другие многозначительные слова, произнесенные Иисусом о Духе Святом в Горнице перед Пасхой: «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о справедливости (перевод: К.К.) и о суде»²⁷. К этим словам мы еще вернемся, чтобы поразмышлять над ними особо.

2. Отец, Сын и Дух Святой

8. Характерной особенностью Иоаннова текста является то, что Отец, Сын и Дух Святой ясно именуются Лицами, причем первое отличается от второго и от третьего, а каждое из них – друг от друга. Иисус говорит о Духе – Утешителе, многократно используя личное местоимение «Он»; в то же время, в Своем прощальном слове, Он раскрывает связи, соединяющие друг с другом Отца, Сына и Параклита. Так, «Дух истины... от Отца исходит»²⁸, и Отец «дает» Духа²⁹. Отец «посылает» Духа во имя Сына³⁰, Дух «свидетельствует» о Сыне³¹. Сын просит Отца послать Духа-Утешителя³², но также говорит и обещает, в связи со Своим отшествием через Крест: «если пойду, то пошлю Его к вам»³³. Итак, Отец посылает Духа Святого в силу Своего Отцовства, так же, как Он послал Сына³⁴, но в то же время Он посылает Его в силу свершенного Христом Искупления, – и в этом смысле Дух Святой посылается также и Сыном: «Я... пошлю Его к вам».

Здесь следует отметить, что хотя все обетования, данные на Тайной Вечере, предрекают пришествие Духа Святого после отшествия Христа, то обетование, содержащееся в тексте Евангелия от Иоанна (16:7 и далее), включает в себя и ясно подчеркивает взаимную, можно даже сказать, причинно-следственную связь между проявлениями каждого из них: «если пойду, то пошлю Его к вам». Дух Святой придет, поскольку Христос уйдет через Крест: Он придет не просто вслед за этим, но благодаря Искуплению, совершенному Христом, по воле Отца и через деяние Отца.

9. Итак, мы можем сказать, что в пасхальной прощальной речи, достигнута вершина откровения о Троице. В то же время мы оказываемся на пороге решающих событий и последних слов, которые в конце концов выльются в миссионерское поручение, данное апостолам и – через них – Церкви: «Итак, идите, научите все народы»; в поручение, некоторым образом включающее троичную формулу Крещения: «крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа»³⁵. Эта формула отражает внутреннюю тайну Бога, божественной жизни, которая есть Отец, Сын и Святой Дух, Божественное единство в Троице. Прощальное слово в Горнице можно воспринимать как особое предуготовление к этой троичной формуле, в которой выражена животворящая сила Таинства, дающего участие в жизни Троицыного Бога, ибо в нем, как сверхъестественный дар людям, даруется освящающая благодать. Этой благодатью человек призывается к участию в непостижимой жизни Бога и соделывается «способным» к этому.

10. В Своей внутренней жизни Бог «есть любовь»³⁶, любовь сущностная, общая для всех трех Божественных Лиц; личностная же любовь есть Дух Святой как Дух Отца и Сына. Поэтому Он, как несотворенная Любовь-Дар, «проникает и глубины Божию»³⁷. Можно сказать, что во Святом Духе внутренняя жизнь Троицыного Бога полностью становится

даром, взаимным обменом любовью между Божественными Лицами и что через Духа Святого Бог существует как Дар. Именно Дух Святой является личным выражением этого дарения Себя, этого бытия любовью³⁸. Он – Лицо-Любовь, Он – Лицо-Дар. Здесь мы обретаем неисчерпаемое сокровище реальности и невыразимую глубину понятия лица в Боге, которые мы можем познать лишь благодаря Божественному Откровению.

В то же время Дух Святой, будучи единосущным Отцу и Сыну по Божеству, есть любовь и несотворенный дар, от которого, как от источника (*fons vivus*) проистекает всякое ниспослание даров творениям (сотворенный дар): дар существования всего – посредством творения; дар благодати людям – посредством всего домостроительства спасения. Как пишет ап. Павел: «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам»³⁹.

3. Бог дарует Себя в Духе Святом для нашего спасения

11. Прощальное слово Христа во время Тайной Вечери имеет особое отношение к этому «дарованию» Духа Святого и «дарованию Им Себя». В Евангелии от Иоанна мы находим как бы откровение глубочайшей «логики» спасительной тайны предвечного замысла Божьего, сообщения невыразимого общения Отца, Сына и Святого Духа. Это – божественная «логика», ведущая от тайны Троицы к тайне искупления мира во Христе Иисусе. Искупление, совершенное Сыном в земной истории человечества и заключающееся в Его отшествии через Крест и Воскресение, в то же время, во всей своей спасительной силе, передано Духу Святому: Тому, Кто «от Моего возьмет»⁴⁰. Слова Евангелия от Иоанна указывают на то, что, в согласии с божественным замыслом, отшествие Христа является необходимым условием для «послания» и пришествия Духа Святого, но эти слова также описывают начало нового спасительного дарования Богом Себя Самого в Духе Святом.

12. Это – новое начало по отношению к первому, изначальному спасительному самосообщению Бога, которое отождествляется с самой тайной творения. В самых первых строках Книги Бытия мы читаем: «В начале сотворил Бог небо и землю... и Дух Божий (*ruah Elohim*) носился над водою»⁴¹. Эта библейская концепция творения включает не только призывание к существованию самого бытия вселенной, т. е. не только дарование существования, но и присутствие при сотворении Духа Божьего, то есть начало спасительного сообщения Богом Себя тому, что Он творит. Прежде всего это относится к человеку, сотворенному по образу и подобию Божьему: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему»⁴². «Сотворим». Можно ли предположить, что множественное число, которое здесь употребляет Творец, когда Он говорит о Себе, уже некоторым образом указывает на тайну Троицы, на присутствие Троицы в деле творения человека? Читатель христианин, которому уже знакомо откровение об этой тайне, может уловить отражение ее и в этих словах. В любом случае, содержание Книги Бытия позволяет нам увидеть, что сотворение человека – это начало спасительного самосообщения Бога человеку, созданного по Его «образу и подобию».

13. Из этого следует, что и слова Иисуса в Его прощальной речи следует перечислить в свете этого далекого, но столь основополагающего «начала», о котором мы знаем из Книги Бытия. «Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам». Говоря о Своем отшествии как об условии пришествия Утешителя, Христос связывает новое начало

спасительного дарования Богом Себя в Духе Святом с тайной Искупления. Это – новое начало, прежде всего потому, что между первым началом и всей человеческой историей – начиная с первого падения – вторгся грех, противоречащий присутствию Духа Божьего в творении, и, более всего, противоречащий спасительному самосообщению Бога человеку. Ап. Павел пишет, что именно из-за греха «тварь... покорилась суете..., стонет и мучится донныне» и «с надеждою ожидает откровения сынов Божиих»⁴³.

14. Поэтому Иисус Христос говорит в Горнице: «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ... если пойду, то пошлю Его к вам»⁴⁴. Отшествие Христа через Крест имеет искупительную силу – а значит и обновленное присутствие Духа Божьего в творении: новое начало самосообщения Бога человеку в Духе Святом. Как пишет ап. Павел в Послании к Галатам: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»⁴⁵. Дух Святой есть Дух Отца, о чем свидетельствует прощальное слово в Горнице; но в то же время Он есть и Дух Сына: Он есть Дух Иисуса Христа, как засвидетельствовали апостолы, особенно Павел из Тарса⁴⁶. Когда Дух Святой изливается в наши сердца, начинается исполнение того, чего «тварь... с надеждою ожидает», как читаем мы в Послании к Римлянам.

Дух Святой приходит ценой отшествия Христа. Хотя это отшествие вызвало у апостолов печаль⁴⁷, достигшую своей кульминации во время Страстей и Смерти в Великую Пятницу, «но печаль эта... в радость будет»⁴⁸. Ибо Христос дополнит это искупительное отшествие славой Воскресения и Вознесения к Отцу. Таким образом, печаль, просветленная радостью, является уделом апостолов во время отшествия их Учителя, отшествия «благого», ибо благодаря ему придет другой «Утешитель»⁴⁹. Ценой Креста, принесшего Искупление, благодаря всей Пасхальной Тайне Иисуса Христа, приходит Святой Дух, чтобы со дня Пятидесятницы пребывать с апостолами, пребывать с Церковью и в Церкви, а через нее – в мире.

Таким образом окончательно осуществляется новое начало само-сообщения Троидного Бога во Святом Духе посредством дела Иисуса Христа, Искупителя человека и мира.

4. Мессия, Святого Духа Помазанник

15. Полностью осуществляется также и послание Мессии, то есть Того, Кто воспринял всю полноту Духа Святого для избранного Народа Божьего и для всего человечества. Слово «Мессия» буквально значит «Христос», то есть «Помазанник», и в истории спасения это значит «Помазанный Духом Святым». Такова была пророческая традиция Ветхого Завета. Следуя ей, Симон Петр скажет в доме Корнелия: «Вы знаете происходившее по всей Иудее... после крещения, проповедованного Иоанном; как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета»⁵⁰.

От этих слов Петра и от многих подобных мест⁵¹ следует обратиться, прежде всего, к пророчеству Исаии, иногда называемому «пятым Евангелием» или «Ветхозаветным Евангелием». Указывая на приход некоего таинственного лица, которого новозаветное откровение отождествит с Иисусом, Исаия связывает Его личность и миссию с особым действием Духа Божьего – Духа Господня. Вот слова пророка: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух

премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится»⁵².

Этот текст важен для всей пневматологии Ветхого Завета, поскольку он устанавливает определенную связь между древней библейской концепцией «духа», понимавшегося в первую очередь как «харизматическое дуновение», и «Духом», как Лицом и даром, даруемым для личности. Мессия, происходящий из дома Давидова («от корня Иессеева»), есть именно Тот, на Котором «почиет» Дух Господень. Конечно, здесь невозможно еще говорить об откровении Параклита. Однако с этого завуалированного указания на образ будущего Мессии начинается, так сказать, путь к полному откровению о Духе Святом в Троической тайне, к той тайне, которая будет явлена в Новом Завете.

16. Сам Мессия и есть этот путь. В Ветхом Завете помазание становится внешним символом дара Духа. Мессия (более, чем любой иной помазанник в Ветхом Завете) является этим единственным великим Помазанником Самого Бога. Он Помазанник в смысле обладания полнотой Духа Божьего. Именно Он будет посредником в даровании этого Духа всему Народу. Это соответствует другим словам пророка: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное»⁵³.

Помазанник также посылается «с Духом Господним»: «Ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его»⁵⁴.

Согласно Книге Исаии, Помазанник и Посланный вместе с Духом Господним – это еще и избранный Отрок Господень, на котором почиет Дух Божий: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа моя. Положу дух Мой на Него»⁵⁵.

Мы знаем, что Отрок Господень явлен в Книге Исаии как истинный Муж Скорбей: Мессия, страдающий за грехи мира⁵⁶. И при этом Он именно Тот, чья миссия принесет всему человечеству подлинные плоды спасения: «возвестит народам суд...»⁵⁷ и будет «в завет для народа, во свет для язычников...»⁵⁸, «чтобы спасение Мое простерлось до концов земли»⁵⁹.

Ибо «Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего, и от уст потомков потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века»⁶⁰.

Приведенные здесь пророческие тексты должны быть прочитаны нами в свете Евангелия – равно как и Новый Завет также особым образом проясняется благодаря замечательному свету, содержащемуся в ветхозаветных текстах. Пророк изображает Мессию как Того, Кто придет в Духе Святом, Того, Кто обладает полнотой Духа в Себе и, в то же время, для других, для Израиля, для всех народов, для всего человечества. С полнотой Духа Божьего связано множество различных даров, сокровища спасения, особым образом предназначенные для бедных и страдающих, для всех тех, кто открывает свое сердце этим дарам – иногда посредством болезненного опыта своей жизни – но, прежде всего, с той внутренней

готовностью, которая происходит от веры. Об этом догадался старец Симеон, «муж праведный и благочестивый», на котором «был Дух Святой», во время Сретения младенца Иисуса во Храме, когда познал в Нем «спасение... пред лицом всех народов», даруемое ценой великого страдания Креста, которое Он перенесет вместе со Своей Матерью⁶¹. Дева Мария, «зачавшая от Духа Святого»⁶², предчувствовала это еще сильнее, когда Она слагала в Своем Сердце «тайны» Мессии, в единстве с Которым Она пребывала⁶³.

17. Здесь следует подчеркнуть: не вызывает сомнения, что «Дух Господень», пребывающий на будущем Мессии – это прежде всего Божий дар этому Отроку Господню. Но Он Сам не является неким изолированным лицом, существующим сам по себе, ибо Он действует в соответствии с волей Господней, в силу Господнего решения или выбора. Хотя в текстах Исаии спасительное дело Мессии, Отрока Господня, включает действие Духа, осуществляемое через Него, все же в ветхозаветном контексте нет указаний на различие субъектов, или Божественных Лиц, которое существует в тайне Троицы и открывается затем в Новом Завете. И у Исаии, и во всем Ветхом Завете личность Духа Святого остается полностью сокрытой: она утаена в откровении Единого Бога, так же как и в пророчестве о будущем Мессии.

18. Иисус Христос сошлется на это пророчество, заключенное в словах Исаии, в начале Своей мессианской деятельности. Это случится в том самом Назарете, где Он провел тридцать лет в доме плотника Иосифа с Марией, Своей Девственной Матерью. Когда Ему привелось говорить в Синагоге, Он открыл Книгу Исаии и нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня», – и, прочтя этот текст, сказал присутствующим: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами»⁶⁴. Таким образом, Он исповедал и провозгласил, что Он – Тот, Кого Отец помазал, Мессия-Христос, в Котором обитает Святой Дух как дар Самого Бога и Который наделен всей полнотою Этого Духа; Тот, Который знаменует «новое начало» дара, даваемого Богом в Духе человечеству.

5. Иисус из Назарета, «возвышенный» в Духе Святом

19. Хотя в Своем родном городе Назарете Иисус и не принимается как Мессия, все же, в начале Его общественной деятельности, Его мессианское послание в Духе Святом открывается народу Иоанном Крестителем. Иоанн, сын Захарии и Елисаветы, пророчесствует у Иордана о пришествии Мессии и подает крещение покаяния. Он говорит: «Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»⁶⁵. Иоанн Креститель предрекает Мессию – Христа не только как Того, Кто «грядет» в Духе Святом, но и как Того, Кто «приносит» Духа Святого, как более откровенно об этом скажет Иисус в Горнице. Здесь Иоанн верно повторяет слова Исаии, слова, которые у древнего пророка касались будущего, а в поучении Иоанна на берегу Иордана уже непосредственно вводят в новую мессианскую действительность. Иоанн является не только пророком, но и вестником: он – Предтеча Христа. Предсказанное им осуществляется у всех на глазах. Иисус из Назарета приходит к Иордану, чтобы самому тоже принять крещение покаяния. Видя Его приближение, Иоанн провозглашает: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира»⁶⁶. Он говорит это по вдохновению от Духа Святого⁶⁷, свидетельствуя об исполнении пророчества Исаии. В то же самое время он

исповедует свою веру в искупительную миссию Иисуса из Назарета. В устах Иоанна Крестителя слова «Агнец Божий» есть выражение истины о Спасителе, не менее богатое содержанием, чем слова Исаии об «Отроке Господнем».

Таким образом, благодаря свидетельству Иоанна у Иордана, Иисус из Назарета, отвергнутый Своими соотечественниками, возвышается в глазах Израиля как Мессия, то есть «Помазанник» Духа Святого. И это свидетельство подтверждается другим свидетельством высшего порядка, упомянутым тремя авторами синоптических Евангелий. Когда все люди были крещены, и Иисус, приняв крещение, молился, «отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь»⁶⁸, и в то же время был «глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»⁶⁹.

Это Тринитарное Богоявление свидетельствует о возвышении Христа во время Его Крещения в Иордане. Оно не только подкрепляет свидетельство Иоанна Крестителя, но и являет иное, более глубокое измерение истины об Иисусе из Назарета как Мессии. Она состоит в том, что Мессия – возлюбленный Сын Отца. Это торжественное «возвышение» не ограничивается мессианским посланием «Отрока Господня». В свете Богоявления на Иордане это возвышение затрагивает тайну самого лица Мессии. Он возвышен, поскольку Он – возлюбленный Сын, в Котором Божье благоволение. Глас с небес говорит: «Сын Мой».

20. Богоявление при Иордане лишь мимолетно проясняет тайну Иисуса из Назарета, вся миссия Которого будет осуществляться при деятельном присутствии Духа Святого⁷⁰. Этой тайне предстоит постепенно открываться и утверждаться Самим Иисусом посредством всего, что Он «делал и чему учил»⁷¹. На протяжении этого учительства и среди мессианских знамений, совершенных Иисусом до того, как Он произнес прощальное слово в Горнице, мы находим события и слова, представляющие собой особо важные моменты этого постепенного откровения. Так, евангелист Лука, уже представивший Иисуса как «исполненного Духа Святого» и «веденного... Духом в пустыню»⁷², сообщает нам, что после возвращения семидесяти двух учеников по завершении миссии, порученной им Учителем⁷³, когда они с радостью перечисляли плоды своих трудов, «в этот час Он [Иисус] возликовал Духом Святым и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты сокрыл это от мудрых и разумных и открыл это младенцам. Да, Отче, ибо так было благоугодно Тебе»⁷⁴. * Иисус возрадовался Отцовству Бога: Он возликовал, потому что Ему было дано явить это Отцовство; Он возрадовался, наконец, как бы особому излиянию этого божественного Отцовства на «младенцев». И евангелист описывает все это как «ликование Духом Святым».

Это «ликование» в определенном смысле побуждает Иисуса сказать еще больше. Мы слышим: «Все Мне предано Отцом Моим; и никто не знает, кто есть Сын, кроме Отца; и кто есть Отец – никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть»⁷⁵. *

21. То, что во время Богоявления на Иордане пришло, так сказать, «извне», свыше, здесь приходит «изнутри», то есть из глубины существа Иисуса. Это еще одно откровение Отца и Сына, соединенных в Духе Святом. Иисус говорит лишь об Отцовстве Бога и о Собственном Сыновстве – Он не говорит прямо о Духе, Который есть Любовь и потому – единство Отца и Сына. Тем не менее, то, что Он говорит об Отце и о Себе – Сыне, исходит из той полноты

Духа, которая есть в Нем, и которая наполняет Его Сердце, проникает Его Собственное «Я», вдохновляет и оживотворяет из глубины Его действие. Отсюда это «ликование Духом Святым». Единение Христа со Святым Духом, единение, которое Он полностью осознает, выражается в этом «ликании», через которое делается «ощутимым» и его сокровенный источник. Так проявляет себя особое откровение и возвышение, присущие Сыну Человеческому, Христу-Мессии, чье Человечество принадлежит Ипостаси Сына Божьего, единосущного в Божестве Духу Святому.

В изумительном исповедании Отцовства Божьего Иисус из Назарета являет Самого Себя, Свое божественное «Я» – ибо Он есть Сын «единосущный» и потому «никто не знает, кто есть Сын, кроме Отца; и кто есть Отец – никто, кроме Сына», того Сына, который «ради нас, людей, и ради нашего спасения» стал Человеком, воплотившись от Духа Святого и родившись от Девы по имени Мария.

6. Воскресший Христос говорит: «Примите Духа Святого».

22. Благодаря повествованию Луки, мы вплотную подходим к той истине, которая содержится в словах прощания, сказанных в Горнице. Иисус из Назарета, «возвышенный» во Святом Духе, во время этого слова и этой беседы проявляет Себя как Тот, Кто несет Духа, как Тот, Кто ценой Своего отшествия через Крест должен принести и «дать» Его апостолам и Церкви.

Глагол «нести» здесь обозначает, прежде всего, «открыть». В Ветхом Завете, начиная с Книги Бытия, Дух Божий был сначала известен как «дуновение» Божие, которое животворит, как божественное «дыхание жизни». В Книге пророка Исаии Он явлен как «даяние» для Мессии, нисходящее на Него и почивающее на Нем, дабы изнутри направлять всю спасительную деятельность «Помазанника». У Иордана пророчество Исаии обретает конкретное воплощение: Иисус из Назарета есть Тот, Кто грядет в Духе Святом и несет Его как дар, присущий Его Личности, чтобы раздавать Его посредством Своего Человечества: «Он будет крестить вас Духом Святым»⁷⁶. В Евангелии от Луки подтверждается и дополняется это откровение о Духе как о внутреннем источнике жизни и мессианской деятельности Иисуса Христа. В свете того, что Иисус говорит в прощальных словах в Сионской Горнице, Дух Святой открывается новым и более полным образом. Он является не только даром для Лица (для Лица Мессии), но и Лицом, Которое само есть Дар. Иисус предрекает пришествие Его как «другого Утешителя», Который, будучи Духом Истины, наставит апостолов и Церковь на «всякую истину»⁷⁷. Это осуществится благодаря особой общности между Святым Духом и Христом: «От Моего возьмет и возвестит вам»⁷⁸. Это общение имеет свое первоначало в Отце: «Все, что имеет Отец, есть Мое; поэтому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам»⁷⁹. Исходя от Отца, Дух Святой посылается Отцом⁸⁰. Дух Святой был послан в первую очередь как дар Сыну, ставшему Человеком, во исполнение мессианских пророчеств. После отшествия Христа – Сына – Дух Святой, согласно тексту Иоанна, «придет» непосредственно (со Своей новой миссией), чтобы завершить дело Сына. Таким образом, именно Он приведет к полноте новую эру в истории спасения.

23. Мы находимся на пороге пасхальных событий. Новое, окончательное проявление Духа Святого как Лица, Которое есть Дар, совершается именно в этот момент. Пасхальные

события – Страсти, Смерть и Воскресение Христа – являются также временем нового пришествия Святого Духа как Утешителя и Духа истины. Это – время «нового начала» самообщения Троица Божия человечеству в Святом Духе через дело Христа Искупителя. Искушение мира и есть это новое начало: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего»⁸¹. Уже «отдание» Сына, дарование Сына, выражает глубочайшую сущность Бога, Который, будучи Любовью, является неисчерпаемым источником подаваемых даров. В жертве, принесенной Сыном, находят свое полное свершение откровение и дарование вечной любви: Дух Святой, который в неисповедимых глубинах Божества является Лицом-Даром, через дело Сына, то есть через Пасхальную Тайну, по-новому приносится в дар апостолам и Церкви, а через них – человечеству и всему миру.

24. Свое окончательное выражение эта тайна получает в день Воскресения. В этот день Иисус из Назарета, «Который родился от семени Давидова по плоти», был явлен, как пишет ап. Павел, «по Духу Святому – Сыном Бога, Которого Он в полноте силы, воскресил из мертвых (...)»⁸². Поэтому можно сказать, что мессианское «возвышение» Христа в Святом Духе достигает своей вершины в Воскресении, когда Он являет Себя также и Сыном Божиим, «в полноте силы». И эта сила, чьи источники бьют ключом в неисследимой Тройственной общности, проявляется, прежде всего, в том, что Воскресший Христос с одной стороны, исполняет обетования Божьи, данные прежде через слова пророков: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам, ... дух Мой»⁸³, – а с другой – исполняет собственное обетование, которое дал апостолам, сказав: «Если пойду, то пошлю Его к вам»⁸⁴. «Он» – это Дух истины, Параклит, посланный Воскресшим Христом, чтобы преобразить нас по образу Его Воскресения⁸⁵.

Итак: «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого»⁸⁶.

Все подробности этого ключевого текста из Евангелия от Иоанна существенны, особенно если мы рассматриваем их в связи со словами, произнесенными там же, в Горнице, в начале пасхальных событий. Ныне же эти события – Священное Триденствие Иисуса, которого Отец благословил помазанием и послал в мир, – достигают своей полноты. Христос, «предавший дух» Свой на Кресте⁸⁷ как Сын Человеческий и Агнец Божий, воскреснув, отправляется к апостолам, чтобы «дунуть на них» с тою силою, о которой говорится в Послании к Римлянам⁸⁸. Приход Господа наполняет присутствующих радостью – «и печаль ваша в радость будет»⁸⁹, как Он и обещал им прежде Своих Страстей. И прежде всего этим осуществляется главное обетование прощального слова: восставший из мертвых Христос «приносит» апостолам Духа Святого, давая начало новому творению. Он приносит Его ценой Своего Собственного отшествия: Он дарует им Сего Духа посредством ран Своего распятия: «показал им руки и ноги и ребра Свои». И в силу Своего распятия Он говорит им: «Примите Духа Святого».

Так образуется тесная связь между ниспосланием Сына и ниспосланием Духа Святого. Послание Духа Святого (после первородного греха) невозможно без Креста и Воскресения: «если Я не пойду, Утешитель не придет к вам»⁹⁰. Также устанавливается тесная связь между миссией Святого Духа и миссией Сына в Искуплении. Миссия Сына, в некотором смысле, «исчерпывается» Искуплением. Миссия Духа Святого «черпает» из Искупления: «от Моего возьмет и возвестит вам»⁹¹. Искупление окончательно и полностью совершается Сыном как Помазанником, который пришел и исполнил Свое деяние в силе Духа Святого и принес, наконец, Себя в жертву на древе Креста. Вместе с тем, это Искупление постоянно совершается в сердце и совести людей – в истории мира – Духом Святым, являющимся «другим Утешителем».

7. Дух Святой и время Церкви

25. «По завершении того дела, которое Отец поручил Сыну исполнить на земле (ср. Ин. 17:4), послан был Святой Дух в день Пятидесятницы, чтобы Он непрестанно освящал Церковь и чтобы таким образом через Христа верующие имели доступ к Отцу в одном Духе» (ср. Еф. 2:18). Он есть Дух Жизни, источник воды, текущей в жизнь вечную (ср. Ин. 4:14, 7:38-39), и через Него Отец оживотворяет людей, мертвых для греха, пока не воскресит во Христе их смертные тела (ср. Рим. 8:10-11)»⁹².

Таковыми словами II Ватиканский Собор говорит о рождении Церкви в день Пятидесятницы. Это событие является окончательным проявлением того, что произошло еще в пасхальное Воскресенье в той же Сионской Горнице. Воскресший Христос пришел и «принес» апостолам Духа Святого. Он дал Его им, говоря: «Примите Духа Святого». То, что произошло тогда в Горнице, «за закрытыми дверями», позже, в день Пятидесятницы, проявляется и вовне, открыто. Двери Горницы отворяются, и апостолы выходят к жителям Иерусалима и собравшимся там по случаю праздника паломникам, чтобы свидетельствовать о Христе в силе Духа Святого. Таким образом, исполняется пророчество: «Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною»⁹³.

В другом документе II Ватиканского Собора мы читаем: «Несомненно, Святой Дух уже действовал в мире, прежде чем Христос был прославлен. Однако в день Пятидесятницы, когда Он сошел на учеников, чтобы пребыть с ними вовек, Церковь была открыто явлена множеству людей, началось распространение Евангелия среди народов через проповедь»⁹⁴.

Эпоха Церкви началась с «пришествия» Духа Святого, то есть с Его сошествия на апостолов, собравшихся в Горнице в Иерусалиме вместе с Марией, Матерью Господа⁹⁵. Время Церкви началось в тот момент, когда обетования и пророчества, столь открыто указывавшие на Утешителя, Духа истины, начали со всей мощью и отчетливостью исполняться на апостолах, ознаменовав, таким образом, рождение Церкви. Книга Деяний Апостолов говорит об этом пространно и во многих местах, из которых следует, что Святой Дух в сознании первообщины, взгляды которой выражает Лука, стал незримым, но определенным образом «ощутимым», руководителем тех, кто после отшествия Господа Иисуса глубоко почувствовал, что осиротел. Теперь, с пришествием Духа, они увидели, что способны исполнять порученную им миссию. Они почувствовали в себе силы для этого. Именно это и

соделал Святой Дух, и продолжает делать в Церкви, через их преемников. Дар благодати Святого Духа, который апостолы передали своим помощникам возложением рук, продолжает передаваться в епископском рукоположении. Епископы, в свою очередь, совершая Таинство Рукоположения, делают священнослужителей сопричастными этому духовному дару и, посредством Таинства Миропомазания, укрепляют этим даром всех, вновь рожденных от воды и Духа Святого. Так благодать Пятидесятницы присутствует в Церкви некоторым образом постоянно.

Как пишет Собор, «Дух живет в Церкви и в сердцах верующих, словно во храме (ср. 1 Кор. 3:16, 6:19), и в них молится и свидетельствует об усыновлении (ср. Гал. 4:6, Рим. 8: 15-16, 26). Он, наставляющий Церковь на всякую истину (ср. Ин. 16:13) и объединяющий ее в общении и служении, наделяет и направляет ее различными иерархическими и благодатными дарами, и украшает ее Своими плодами (ср. Еф. 4:11-12, 1 Кор. 12:4, Гал. 5:22). Силою Евангелия Он дает Церкви юность, непрестанно обновляет ее и ведет к совершенному сочетанию с ее Женихом»⁹⁶.

26. Приведенные отрывки из соборной Конституции *Lumen Gentium* говорят нам, что с пришествием Духа Святого началось время Церкви. Они говорят нам также о том, что это время, время Церкви, продолжается. Оно продолжается через века и поколения. В нашем веке, когда человечество уже приблизилось к исходу Второго Тысячелетия от Рождества Христова, это время Церкви особо выразило себя на II Ватиканском Соборе – (...) Соборе нашего столетия. Всем известно, что этот Собор был «экклесиологическим», то есть Собором, посвященным, главным образом, Церкви. Вместе с тем, учение этого Собора является в своей сущности «пневматологическим»: оно проникнуто истиной о Духе Святом как о душе Церкви. Мы вправе сказать, что II Ватиканский Собор содержанием своего учения бесспорно выражает все то, что «Дух говорит Церквам»⁹⁷, применительно к современному этапу истории спасения.

Руководимый Духом истины и свидетельствуя вместе с Ним, Собор особым образом подтвердил присутствие Духа Святого – Утешителя. В определенном смысле, Собор обновил «присутствие» Духа в нашу трудную эпоху. В свете этого убеждения можно лучше понять, сколь велико значение всех инициатив, направленных на воплощение решений II Ватиканского Собора, его учительства, его пастырской и экуменической ориентации. В этом смысле следует рассматривать и оценивать и последующие Ассамблеи Синода Епископов, которые стремятся способствовать тому, чтобы плоды истины и любви – подлинные плоды Духа Святого – стали устойчивым достоянием Народа Божьего в его земном странствии через века. Этот труд Церкви необходим, дабы подтвердить и укреплять дарованные Собором спасительные плоды Духа. С этой целью следует быть внимательным, чтобы суметь отличать их от того, что, в противоположность им, может исходить от «князя мира сего»⁹⁸. Это различие тем более необходимо при осуществлении дела Собора, поскольку он широко открылся навстречу современному миру, о чем свидетельствуют важные соборные Конституции *Gaudium et Spes* и *Lumen Gentium*.

В пастырской конституции *Gaudium et Spes* мы читаем: «Ведь их (т.е. учеников Христа) община собирается из людей, объединенных во Христе, ведомых Святым Духом в своем

странствовании к Царству Отца и принявших весть спасения, которую предстоит донести до всех. И потому эта община подлинно чувствует свою тесную связь с родом человеческим и с его историей»⁹⁹. «Церковь достоверно знает, что только Бог, Которому она служит, отвечает на глубочайшие желания человеческого сердца, которое никогда не насыщается до конца пищей земной»¹⁰⁰. «Дух Божий, дивным провидением направляет течение времени и обновляет лицо земли»¹⁰¹.

ЧАСТЬ II

ДУХ, ОБЛИЧАЮЩИЙ МИР О ГРЕХЕ

1. Грех, справедливость и суд

27. Когда Иисус в своей прощальной речи в Горнице возвещает пришествие Святого Духа «ценой» своего отшествия и обещает: «Я пошлю Его к вам», в том же контексте Он добавляет: «И Он, придя, обличит мир о грехе и о справедливости и о суде»¹⁰². Тот же Утешитель и Дух истины, Который, согласно обетованию, «наставит» и «напомнит», Который «будет свидетельствовать», в только что процитированных словах обетован как Тот, Кто «обличит мир о грехе и о справедливости и о суде».

Этот контекст представляется весьма многозначительным. Иисус связывает свое возвещение о Святом Духе со словами, которые указывают на Его собственное отшествие через Крест, и даже подчеркивают необходимость этого: «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам»¹⁰³.

Но еще более важным является объяснение, которое Сам Иисус добавляет к этим трем словам: грех, справедливость, суд. Ибо Он говорит: «И Он, придя, обличит мир о грехе и о справедливости и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о справедливости, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден»¹⁰⁴. Грех, справедливость и суд в сознании Иисуса имеют очень точный смысл, отличающийся от того смысла, какой хотелось бы, может быть, вложить в них кое-кому, независимо от объяснения самого Иисуса. Это объяснение также указывает, как надлежит понимать «обличение мира», присущее действию Святого Духа. Здесь важен как смысл отдельных слов, так и то, что Иисус связал их воедино в одной фразе.

«Грех» в этом контексте означает неверие, с которым столкнулся Иисус среди «своих», начиная с сограждан Назарета. Грех означает отвержение Его миссии, что приведет людей к тому, чтобы осудить Его на смерть. Говоря затем о «справедливости», Иисус, по-видимому, имеет в виду ту окончательную справедливость, которую проявит к Нему Отец, одарив Его славой Воскресения и Вознесения на небеса: «Я иду к Отцу». «Суд» же, основанный на таком понимании «греха» и «справедливости», означает, что Дух истины покажет виновность «мира» в осуждении Иисуса на крестную смерть. Тем не менее, Христос пришел в мир не только для того, чтобы судить или осуждать его: Он пришел, чтобы спасти его¹⁰⁵. Обличение о грехе и справедливости имеет своей целью спасение мира, спасение людей. Именно эта истина, по-видимому, подчеркивается словами о том, что этот «суд» касается лишь «князя мира сего», Сатаны, того, кто от начала использовал тварный мир в ущерб спасению, в ущерб завету и единству человека с Богом: он «уже осужден» с самого начала. Если Дух-Утешитель

должен обличить мир именно о суде, то это свершается ради того, чтобы продолжить в мире спасительное дело Христа.

28. Обратим здесь наше внимание прежде всего на эту миссию Святого Духа, которая заключена в «обличении мира о грехе», учитывая в то же время общий контекст слов Иисуса на Тайной Вечере. Дух Святой, принимающий от Сына дело Искупления мира, берет тем самым на Себя задачу спасительного «обличения о грехе». Это обличение всегда связано со «справедливостью», то есть с окончательным спасением в Боге, с завершением домостроительства, средоточие которого – распятый и прославленный Христос. И это Божье домостроительство спасения в определенном смысле избавляет человека от «суда», то есть от того проклятия, которому был подвергнут грех Сатаны, «князя мира сего», ставшего из-за своего греха «мироправителем тьмы века сего»¹⁰⁶. Вот так, посредством этой связи с «судом» открываются широкие горизонты для понимания «греха» и «справедливости». Дух Святой, указывая на фоне Креста Христова на грех в домостроительстве спасения (можно сказать, «отпущенный грех»), позволяет нам понять, что Его миссия состоит также и в том, чтобы «обличить» грех, который уже был окончательно осужден («грех осужденный»).

29. Все слова, произнесенные Искупителем в Горнице накануне Его Страстей, вписываются в эпоху Церкви – прежде всего, слова о Духе Святом как о Параклите и Духе истины. Эти слова вписываются в нее по-новому в каждом поколении и в каждом историческом периоде. Что касается нашего времени, это подтверждено всем учением II Ватиканского Собора, особенно Пастырской конституцией *Gaudium et Spes*. Многие фрагменты этого документа ясно показывают, что Собор, открывший себя свету Духа истины, является подлинным хранителем пророчеств и обетований, данных Христом апостолам и Церкви во время Его прощальной беседы; и особенно – того пророчества, по которому Святому Духу надлежит «обличить мир о грехе и о справедливости и о суде».

На это указывается уже в тексте, в котором Собор объясняет, как он понимает «мир»: «Собор принимает во внимание мир людей, или всю человеческую семью в ее целом, со всем тем, чем она живет; мир, представляющий собою арену истории рода человеческого, запечатленный его трудами, поражениями и победами; мир, который, как верят христиане, сотворен и храним любовью Творца, впавший в порабощение греху, но освобожденный по сокрушении власти Лукавого Христом, распятым и воскресшим, дабы преобразиться согласно замыслу Божию и достигнуть своего завершения»¹⁰⁷. Опираясь на этот краткий, но весьма емкий по своему содержанию текст, следует читать все другие части этой конституции, где со всем реализмом веры сделана попытка изложить ситуацию, связанную с грехом в современном мире, а также объяснить его сущность с разных точек зрения¹⁰⁸.

Когда накануне Своей Пасхи Иисус говорит о Духе Святом как о Том, Кто «обличит мир о грехе», то Его высказыванию следует, с одной стороны, придавать максимально широкий смысл, поскольку оно относится ко всей совокупности грехов в истории человечества. Но с другой стороны, когда Иисус объясняет, что этот грех состоит в том, «что не веруют в Него», то понятие греха в этом смысле оказывается применимым лишь к тем, кто отвергает мессианскую миссию Сына Человеческого и осуждает Его на крестную смерть. Однако трудно не заметить, что это более «ограниченное» и исторически конкретное значение слова

«грех» расширяется, обретая универсальное значение в силу всеобщности Искупления, совершенного на Кресте. Откровение тайны Искупления открывает путь к пониманию, согласно которому каждый грех, где бы и когда бы он ни был совершен, соотносится с Крестом Христовым – и потому, косвенным образом, также и с грехом тех, кто «не веровал в Него» и осудил Иисуса Христа на смерть крестную.

С этой точки зрения надлежит вернуться к событию Пятидесятницы.

2. Свидетельство дня Пятидесятницы.

30. Обетования Христа в Его прощальном слове, особенно возвешение, о котором мы говорим: «Утешитель... обличит мир о грехе» – обретают свое наиболее точное и прямое подтверждение в день Пятидесятницы. В тот день обетованный Дух Святой сошел на апостолов, молившихся вместе с Марией, Матерью Иисуса, в Сионской Горнице, как мы читаем об этом в Деяниях Апостолов: «И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать»¹⁰⁹, «таким образом возвращая к единству рассеянные племена и предлагая Отцу первые плоды от всех народов»¹¹⁰.

Связь между возвешением Христа и этим событием несомненна. В нем мы видим первое и основополагающее исполнение обетования о Параклите. Посланный Отцом, Он приходит «после» отшествия Христа, «ценой» Его отшествия. Сначала это отшествие совершается Христом через Крест, а позже, через сорок дней после Воскресения, путем Его Вознесения на небо. В момент Вознесения Иисус еще раз повелевает апостолам: «Не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца»; «вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым»; «вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли»¹¹¹.

В этих последних словах слышен отголосок или напоминание об обетовании, данном на Тайной Вечере. И в день Пятидесятницы это возвешение всецело и точно исполняется. Подвигаемый Святым Духом, полученным апостолами во время молитвы в Сионской Горнице, Петр появляется перед толпой множества разноязыких людей, собравшихся на праздник, и говорит перед ними. Он возвещает то, что прежде не имел бы мужества сказать: «Мужи Израильские!.. Иисуса Назарея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас..., Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти: потому что ей невозможно было удержать Его»¹¹².

Иисус предрекал и обещал апостолам: «Он будет свидетельствовать о Мне, ... и вы будете свидетельствовать». И первая речь Петра в Иерусалиме является убедительным доказательством, что это обетование начало исполняться: он свидетельствует о Христе, распятом и воскресшем. Это свидетельство Духа-Параклита, а также свидетельство апостолов. В словах этого первого свидетельства Дух истины устами Петра «обличает мир о грехе»: прежде всего о том грехе, который состоит в отвержении Христа вплоть до осуждения Его на смерть, до Креста на Голгофе. Возвешения аналогичного содержания повторяются, согласно тексту книги Деяний Апостолов, при других обстоятельствах и в

разных местах¹¹³.

31. Начиная с этого первого свидетельства в день Пятидесятницы, действие Духа истины, Который «обличает мир о грехе» отвержения Христа, нераздельно связано со свидетельством о Пасхальной Тайне: о тайне Распятого и Воскресшего. И в этой связи «обличение мира о грехе» раскрывается в своем спасительном измерении. Ибо это не есть «обличение», цель которого состоит лишь в обвинении мира, и еще менее – в его осуждении. Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы его судить и осуждать, но чтобы спасти его¹¹⁴. Это подчеркивается в первой речи Петра, когда он восклицает: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли»¹¹⁵. И затем, когда присутствующие вопрошают Петра и апостолов: «Что нам делать, мужи братия?», Петр отвечает: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа»¹¹⁶.

Таким образом, «обличение о грехе» становится одновременно убеждением об отпущении грехов силой Духа Святого. Петр в своей речи в Иерусалиме призывает людей к обращению, как призывал к обращению своих слушателей Иисус в начале Своей мессианской деятельности¹¹⁷. Обращение требует обличения в грехе; оно содержит в себе внутренний суд совести, и суд этот, будучи подтверждением действия Духа истины в глубинах существа человека, становится в то же время новым началом дарования благодати и любви: «Примите Духа Святого»¹¹⁸. Так, в этом «обличении о грехе» мы обнаруживаем двоякий дар: дар истинной совести и дар уверенности в искуплении. Дух истины есть Утешитель.

Обличение о грехе, осуществляемое в ранней Церкви через служение апостольского возвещения, относится – под воздействием излитого в день Пятидесятницы Духа – к искупительной силе Распятого и Воскресшего Христа. Таким образом, исполняется обетование, касающееся Духа Святого, данное перед Пасхой Господней: «От Моего возьмет и возвестит вам». Поэтому, когда Петр во время Пятидесятницы говорит о грехе тех, «кто не веровал»¹¹⁹, и послал Иисуса из Назарета на позорную смерть, он свидетельствует и о победе над грехом: о победе, достигнутой, в некотором смысле, посредством величайшего из грехов, которые мог совершить человек, – убийства Иисуса, Сына Божьего, единосущного Отцу! Смерть Сына Божия побеждает человеческую смерть – «Я буду твоей смертью, о смерть»¹²⁰, подобно тому, как грех распятия Сына Божьего «побеждает» человеческий грех! Тот грех, что был совершен в Иерусалиме в Страстную Пятницу и всякий другой грех человека. Ибо величайшему из грехов со стороны человека противопоставлена, в сердце Искупителя, жертва высшей любви, побеждающей зло и все человеческие грехи. На основании этой уверенности, Церковь, в Римской Литургии, каждый год повторяет в Навечерие Пасхи: «О счастливая вина!», когда диакон, воспевая «*Exsultet*», возвещает Воскресение.

32. Однако никто, кроме Самого Духа Истины, не может убедить мир, человека или его совесть в этой несказанной истине. Он есть тот Дух, Который «проницает и глубины Божии»¹²¹. Перед лицом тайны греха надлежит пронизать «глубины Божии» до конца. Недостаточно исследовать совесть человека, глубочайшую его тайну, необходимо проникнуть также во внутреннюю тайну Бога, в те «глубины Божии», суть которых вкратце выражается

так: к Отцу – в Сыне – через Святого Духа. Именно Дух Святой «проникает» эти «глубины Божии», и дает из них ответ Бога на грех человека. Этот ответ завершает процесс «обличения о грехе», как показывают события Пятидесятницы.

Обличая «мир» в грехе Голгофы, в смерти непорочного Агнца, как это произошло в день Пятидесятницы, Дух Святой тем самым обличает в каждом грехе, имевшем место в человеческой истории, то есть Он показывает связь греха с Крестом Христа. Это «обличение» указывает на зло греха, любого греха, в связи с Крестом Христовым. Грех, показанный в такой взаимосвязи, познается во всей глубине зла, присущего ему, из-за «тайны беззакония», которую грех содержит в себе и скрывает¹²². Человеку неведома эта глубина, и он никоим образом не может узнать о ней без Креста Христова. Поэтому он может быть «обличен» в ней лишь Святым Духом: Духом истины, но также и Утешителем.

Ибо грех, рассмотренный в связи с Крестом Христовым, одновременно познается и во всей глубине «тайны благочестия»¹²³, на что указывает постсинодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia*¹²⁴. Без Креста Христова человек находится в полном неведении и об этом измерении греха. И в нем он может быть «обличен» лишь благодаря Духу Святому, Который «проникает и глубины Божии».

3. Свидетельство о начале: реальность первородного греха.

33. Упоминание о первородном грехе мы находим в свидетельстве о начале, содержащемся в Книге Бытия¹²⁵. Это грех, который, согласно явленному в Откровении Слову Божьему, образует начало и корень всех других грехов. Мы находимся здесь у первоисточника греха в человеческой истории и одновременно во всей совокупности домостроительства спасения. Можно сказать, что в этом грехе берет свое начало «тайна беззакония», но также и то, что это есть именно тот грех, в отношении которого особенно отчетливо проявляется и обретает действенность искупительная сила «тайны благочестия» Это выражает ап. Павел, когда «непослушанию» первого Адама он противопоставляет «послушание» Христа, второго Адама, Который «был послушен даже до смерти»¹²⁶.

Согласно библейскому свидетельству о начале, первородный грех совершается по воле – и в совести – человека, проявляясь прежде всего как «непослушание», то есть как противление воли человека воле Божьей. Это первоначальное непослушание предполагает отвержение или, по меньшей мере, отклонение от истины, содержащейся в Слове Бога, сотворившего мир. Это то самое Слово, Которое «было в начале у Бога», Которое «было Бог» и без Которого «ничто не начало быть, что начало быть», ибо «мир через Него начал быть»¹²⁷. Это Слово есть также и вечный закон, источник всякого закона, которому подчинен мир, и особенно деяния человека. Следовательно, когда накануне своих страстей Иисус Христос говорит о грехе тех, что «не веруют в Него», в этих Его исполненных скорби словах слышится как бы далекий отзвук того греха, который в своей первоначальной форме запечатлелся мрачной тенью в тайне творения. Ибо Говорящий есть не просто Сын Человеческий, но и Тот, Кто «рожден прежде всякой твари», «ибо Им создано все... все Им и для Него создано»¹²⁸. В свете этой истины становится понятно, что «непослушание», имевшее место в тайне начала истории, в определенном смысле предполагает такое же

«неверие», то же самое «не уверовали», которое повторится в Пасхальной Тайне. Как уже сказано, речь идет об отвержении, или, по меньшей мере, об отклонении от истины, заключенной в Слове Отца. Отвержение выражает себя на практике как «непослушание», в деянии, совершаемом в результате искушения, исходящего от «отца лжи»¹²⁹. Посему у истоков человеческого греха лежит ложь как полное отвержение истины, заключенной в Слове Отца, через Которое выражает себя любящее всемогущество Создателя: всемогущество и любовь «Бога Отца, Творца неба и земли».

34. «Дух Божий», Который по библейскому описанию сотворения «носился над водою»¹³⁰, обозначает того самого Духа, что «проникает... глубины Божии»: Он проникает глубины Отца и Слова-Сына в тайне сотворения. Он не только непосредственный Свидетель Их взаимной любви, благодаря которой появляется творение, но Он Сам есть эта Любовь. Он, как Любовь, есть вечный несотворенный Дар. В Нем – исток и начало всякого ниспослания даров творениям. Свидетельство о начале, которое мы находим во всем Откровении, начиная с Книги Бытия, в этом пункте однозначно. Сотворить – это значит призвать из небытия к бытию; следовательно, сотворить – это значит даровать существование. И если видимый мир создается для человека, тем самым мир даруется человеку¹³¹. И в то же самое время этот человек в своей человечности получает в дар особые «образ и подобие» Божие.. Это означает не только разумность и свободу как определяющие свойства человеческой природы, но также и изначальную способность человека находиться в личных отношениях с Богом, как «Я» и «Ты», а значит, и способность войти с Ним в завет, который будет заключен через спасительное сообщение Бога человеку. На фоне этого «образа и подобия» Божия «дар Духа», по существу, означает призыв к дружбе, в которой каким-то образом открываются трансцендентные «глубины Божии», дабы человек мог приобщиться к ним. II Ватиканский Собор учит: «... Невидимый Бог по изобилию Своей любви обращается к людям, как к друзьям, и говорит с ними, чтобы пригласить их к общению с Собой и принять их в это общение»¹³².

35. Поэтому Дух, Который «проникает все, и глубины Божии», изначальное знает, «что в человеке»¹³³. И потому лишь Он может полностью «обличить о грехе», имевшем место в начале, о том грехе, который есть корень всех иных грехов и неугасимый очаг греховности человека на земле. Дух Истины знает первоначальную реальность греха, порожденного в воле человека «отцом лжи», который «уже осужден»¹³⁴. Поэтому, в связи с этим «осуждением», Святой Дух обличает мир о грехе, но направляя его при этом к «справедливости», которая была открыта человеку с Крестом Христовым: через Его «послушание даже до смерти»¹³⁵.

Лишь Дух Святой может обличить грех, совершенный в самом начале человечества – именно Он, Который есть Любовь Отца и Сына, Он, являющийся Даром, – поскольку этот первоначальный грех состоит во лжи и в отвержении этого Дара и этой Любви, определяющих начало мира и человека.

36. Согласно свидетельству о начале, которое мы находим в Писании и в Предании, вслед за самым первым (а также наиболее полным) описанием в Книге Бытия, грех в его изначальной форме понимается как «непослушание», что, попросту говоря, означает нарушение запрета,

наложенного Богом¹³⁶. Но из всего контекста очевидно также, что корни этого непослушания следует искать во всей глубине реальной ситуации человека. Призванный к жизни человек – мужчина и женщина – есть творение. «Образ Божий», заключающийся в разумности и свободе, говорит о величии и достоинстве человеческого субъекта как личности. Но этот личностный субъект есть лишь творение: в своем существовании и в своей сущности он зависит от Творца. Согласно Книге Бытия, «древо познания добра и зла» было выражением «предела», непреодолимого для тварного существа, и должно было постоянно напоминать о нем человеку. Запрет со стороны Бога следует понимать так: Создатель запретил мужчине и женщине вкушать от плодов древа познания добра и зла. Слова подстрекательства, как об этом говорится в Священном Писании, вводят в искушение преступить этот запрет, то есть перешагнуть через этот «предел»: «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло»¹³⁷.

«Непослушание» – это и есть выход за пределы, которые должны оставаться неприкосновенными для воли и свободы человека как тварного существа. Ибо Бог-Создатель является единственным и определяющим источником нравственного порядка в сотворенном Им мире. Человек не может сам по себе решать, что есть добро, а что – зло, он не может, «как Бог, знать добро и зло». Да, в сотворенном мире, Бог остается первым и наивысшим источником суждений о добре и зле, через внутреннюю истину бытия, являющегося отражением Слова, вечного Сына, единосущного Отцу. Человеку, сотворенному по образу Божьему, Дух Святой дарует совесть, чтобы образ мог верно отражать в ней свой прототип – Премудрость и вечный Закон, источник нравственного порядка в человеке и мире. «Непослушание», как первичное измерение греха, означает отвержение этого источника, посредством притязания человека на то, чтобы самому стать независимым и исключительным источником суждений о добре и зле. Дух, Который «проникает и глубины Божии», и вместе с тем есть свет совести человека и источник нравственного порядка, знает во всей полноте это измерение греха, запечатленное в тайне человеческого начала. И не перестает «обличать» в нем мир, соотнося с ним Крест Христов на Голгофе.

37. Согласно свидетельству о начале, Бог явил Себя в творении как Всемогущество, которое есть Любовь. В то же время Он открыл человеку, что как «образ и подобие» своего Творца он призван к участию в истине и любви. Это участие означает жизнь в единении с Богом, Который есть «жизнь вечная»¹³⁸. Но под влиянием «отца лжи» человек отстранился от этой причастности. В какой мере? Конечно же, не в меру греха свободного духа, не в меру греха Сатаны. Такой степени человеческий дух достичь не способен¹³⁹. В том же описании Книги Бытия легко увидеть разницу в степени между «дыханием зла» со стороны того, кто «сначала согрешил (или «пребывает во грехе»)¹⁴⁰ и который «уже осужден»¹⁴¹, и злом непослушания со стороны человека.

Однако и это непослушание всегда означает, что человек отвернулся от Бога и, в определенном смысле, замкнулся в своей человеческой свободе по отношению к Нему. Оно означает также определенное раскрытие этой свободы – ума и воли человека – навстречу тому, кто есть «отец лжи». Этот акт осознанного выбора есть не только «непослушание», но он несет с собой определенное согласие с мотивацией, содержащейся в первом подстрекательстве ко греху и постоянно возобновляющейся в течение всей земной истории

человека: «Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».

Здесь мы находимся в самом средоточии того, что можно было бы назвать «анти-Словом», то есть «анти-истиной». Ибо истина о человеке подменяется ложью в том, что касается того, кто есть человек и каковы непреступаемые пределы его бытия и его свободы. Эта «анти-истина» становится возможной благодаря тому, что одновременно полностью искажается истина о том, Кто есть Бог. В сознании твари Бог-Творец ставится под подозрение, и даже становится объектом обвинения. Впервые в человеческой истории здесь появляется извращенный «дух подозрительности». Он пытается фальсифицировать само Благо, абсолютное Благо, которое именно в акте творения явило Себя как Благо, несказанным образом дарующее Себя: как *bonum diffusivum sui*, как благо, которое изливается само из себя, как творящая Любовь. Кто еще может полностью «обличить о грехе», обличить это побуждение к изначальному непослушанию человека, если не тот, Кто есть единственный дар и источник всякого воздаяния даров, если не Дух, Который «проникает и глубины Божии» и Который есть Любовь Отца и Сына?

38. Действительно, вопреки всем свидетельствам творения и связанному с ним домостроительству спасения, дух тьмы¹⁴² способен выставить Бога как врага Его собственного творения, и прежде всего как врага человека, как источника опасности и угрозы для человека. Таким путем Сатана насаждает в психологию человека семя противостояния по отношению к Тому, кого он, Сатана, «от начала» рассматривает как врага человека, а не как Отца. Он бросает человеку вызов стать противником Бога!

Анализ греха в его первоначальном измерении показывает, что через деяние «отца лжи» на человека в течение всей истории человечества будет оказываться постоянное давление с тем, чтобы он отвергал Бога, даже вплоть до ненависти к Нему: «Любовь к себе вплоть до презрения к Богу», как говорит об этом св. Августин¹⁴³. Человек в таком случае склонен видеть в Боге прежде всего ограничение для себя, а не источник своего освобождения и полноту блага. Мы встречаем подтверждения этому в современности, когда атеистические идеологии пытаются искоренить религию на основе предположения, что она будто бы обуславливает радикальное «отчуждение» человека, что человек как бы лишается собственной человечности, когда, принимая идею Бога, приписывает Богу то, что принадлежит человеку и только человеку! Отсюда берет начало такое развитие мышления и историко-социологической практики, в ходе которого отвержение Бога завершается заявлением о Его «смерти». Это самый настоящий концептуальный и вербальный абсурд! Но идеология «смерти Бога» угрожает, скорее, самому человеку, на что указывает II Ватиканский Собор, когда рассматривает вопрос о «независимости дел земных» и говорит: «Ведь без Творца творение обращается в ничто... Вследствие забвения Бога меркнет и само творение»¹⁴⁴. Последствия идеологии «смерти Бога» со всей очевидностью доказывают, что в «теоретической и практической» области она является идеологией «смерти человека».

4. Дух, преображающий страдание в спасительную любовь

39. Духа, «испытующего и глубины Божии», Иисус на Тайной Вечере именует Параклитом, Утешителем. Он «призывается» с самого начала,¹⁴⁵ чтобы «обличить мир о грехе».

Окончательным образом Он призывается через Крест Христа. «Обличить... о грехе» – это значит указать на зло, заключенное в грехе, и это тождественно обнаружению тайны беззакония. Невозможно понять зло греха во всей его болезненной реальности, не «проникая глубин Божиих». С самого начала мрачная тайна греха появилась в мире на фоне соотношения к Творцу человеческой свободы. Грех появился как акт воли сотворенного человека, противоречащий воле Божьей – спасительной воле Божьей; более того, грех появился как противоречие истине, на основе лжи, которая теперь окончательно «осуждена»; лжи, которая подвергла обвинению и постоянному подозрению саму творящую и спасительную любовь. Человек последовал за «отцом лжи», противопоставляя себя Отцу жизни и Духу истины.

Не должно тогда «обличение о грехе», означать также и выявление страдания? Выявление невообразимой и невыразимой боли, которая, согласно рассказу Книги Бытия, со свойственным ей антропоморфным видением, появляется из-за греха в «глубинах Божиих», и в некотором смысле – в самом сердце непостижимой Троицы? Церковь, вдохновляемая Откровением, верит и исповедует, что грех есть оскорбление Бога. Что в непостижимом бытии Отца, Сына и Святого Духа является ответом на это «оскорбление», на отвержение Духа, Который есть Любовь и Дар? Понятие Бога, как Лица непреложно наисовершеннейшего, безусловно, исключает в Нем всякую боль, которая происходила бы из недостатков или ран; но в «глубинах Божиих» пребывает любовь Отца, которая, встречаясь с человеческим грехом, согласно языку Библии, отзывается на него столь глубоко, что говорит: «Я раскаялся, что создал их»¹⁴⁶. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле... и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем... И сказал Господь: ...Я раскаялся, что создал их»¹⁴⁷. Но чаще Священное Писание говорит нам об Отце, сострадающем человеку и как бы разделяющем его боль. Наконец, эта непостижимая и несказанная Отеческая «боль» приведет, прежде всего, к удивительному домостроительству искупительной любви во Христе Иисусе, дабы посредством *тайны благочестия* любовь оказалась бы в истории людей сильнее, чем грех. Дабы восторжествовал «дар»!

Дух Святой, Который, по словам Иисуса, «обличит мир о грехе», есть Любовь Отца и Сына, и в силу этого Он есть Троический Дар и одновременно вечный источник всех божественных даров творению. Именно в Нем мы можем постичь то олицетворенное и действующее трансцендентным образом милосердие, которое Отцы Церкви и богословская традиция, вслед за Ветхим и Новым Заветами, приписывают Богу. Милосердие в человеке подразумевает скорбь и сострадание к бедам ближнего. Милосердие в Боге выражается в том, что Дух, который есть Любовь, превращает рассмотрение человеческого греха в новое излияние спасительной любви. От Него, в единстве Отца и Сына, рождается домостроительство спасения, наполняющее историю человека дарами Искупления. Если грех, отвергая любовь, породил человеческое «страдание», повлиявшее некоторым образом на все творение¹⁴⁸, то Дух Святой войдет в человеческое и космическое страдание с новым излиянием любви, которое искупит мир. И из уст Иисуса Искупителя, в Человечестве Которого конкретизируется «страдание» Бога, прозвучит слово, выражающее полную милосердия вечную любовь: «*misereor*» – «*жалю мне*»¹⁴⁹. Таким образом, осуществляемое Духом Святым «обличение о грехе» превращается в возвешение перед творением,

«подчинившимся суете», и прежде всего в глубинах человеческой совести, того, что грех побежден благодаря жертве Агнца Божьего, Который «даже до смерти» стал послушным рабом, и, возмещая людское непослушание, совершил искупление мира. Так Дух истины, Параклит, «обличает о грехе».

40. Искупительная ценность жертвы Христа выражена в многозначительных словах автора Послания к Евреям, который, напомнив о жертвах Ветхого Завета, в коих «кровь тельцов и козлов» очищает «тело», добавляет: «Кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому!...»¹⁵⁰. Хотя нам и известно об иных возможных толкованиях, наши рассуждения о присутствии Духа Святого во всей жизни Христа позволяют нам увидеть в этом тексте приглашение к размышлению о присутствии этого Духа также и в искупительной жертве Воплощенного Слова.

Рассмотрим, прежде всего, начальные слова, относящиеся к этой жертве, а затем, отдельно, сказанное об «очищении совести», которое она совершает. Ибо это жертва, принесенная «(...) действием Духа Святого», Который «черпает» от нее силу, чтобы ради спасения «обличать о грехе». Это Тот же Дух Святой, Которого, согласно обетованию, данному в Сионской Горнице, Иисус Христос «принесет» апостолам в день Своего Воскресения, явившись им со Своими крестными ранами, и Которого «Он даст им» – «во искупление грехов»: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся»¹⁵¹.

Мы знаем, что «Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета», как говорил Симон Петр в доме сотника Корнилия¹⁵². Из Евангелия от Иоанна мы знаем о Пасхальной Тайне Его отшествия. Теперь слова Послания к Евреям объясняют нам, как Христос «принес Себя непорочного Богу» и как Он сделал это «Духом Святым». В жертве Сына Человеческого Дух Святой присутствует и действует так же, как Он действовал в Зачатии Иисуса, в Его пришествии в мир, в Его сокрытой жизни и в Его общественном служении. Согласно Посланию к Евреям, на пути Своего отшествия через Гефсиманию и Голгофу Иисус Христос в Своем Человеческом естестве всецело открылся этому действию Духа-Параклита, Который благодаря страданию позволяет рассветить вечно-спасительной любви. Посему Он «услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию»¹⁵³.

Таким образом, это Послание показывает как человечество, подчинившееся греху в потомках первого Адама, в Иисусе Христе полностью подчиняется Богу и соединяется с Ним, будучи, вместе с тем, исполненным сострадания к людям. Таким образом, это новое человечество, возвратилось во Христе Иисусе и через Его Крестные страдания к любви, которую Адам предал грехом. Эта новая человеческая природа обретает себя именно в божественном источнике изначального ниспослания даров: в Духе, Который «проникает... и глубины Божии» и который Сам есть Любовь и Дар.

Сын Божий Иисус Христос, как человек, в горячей молитве Своего страдания предоставил Духу Святому, уже проникнувшему в самые глубины Его человеческого естества, сделать это естество через Свою смерть совершенной жертвой, жертвой любви на Кресте. Он Сам принес эту жертву. Как единственный Священник, Он «принес Себя непорочного Богу»¹⁵⁴. В Своем Человечестве Он был достоин стать такой жертвой, ибо лишь Он был «непорочен».

Но Он принес ее «Духом Святым», и это означает, что Дух Святой особым образом действовал в этой совершенной самоотдаче Сына Человеческого, чтобы преобразить Его страдания в искупительную любовь.

41. В Ветхом Завете неоднократно говорится об «огне с небес», который сожигает жертвы, принесенные людьми¹⁵⁵. По аналогии можно сказать, что Дух Святой есть «огонь с небес», действующий в глубине тайны Креста. Исходя от Отца, Он устремляет к Отцу жертву Сына, включая ее в божественную реальность Троического общения. Если грех породил страдание, то боль Бога обретает теперь через Духа Святого свое полное человеческое выражение во Христе распятом. Такова парадоксальная тайна любви: во Христе страдает Бог, отвергнутый собственным творением, – «не веруют в Меня», – но одновременно из глубины этого страдания, и, косвенно, из глубины того же греха «неверия» Дух извлекает новую меру для дара, ниспосланному человеку и всему творению от начала. Во глубине тайны Креста действует Любовь, которая возвращает человека к участию в жизни, которая в Самом Боге.

Дух Святой, как Любовь и Дар, нисходит определенным образом в самое сердце жертвы, принесенной на Кресте. Обращаясь здесь к библейской традиции, можно сказать: Он сожигает эту жертву огнем Любви, соединяющей Сына с Отцом в Троическом общении. И, поскольку жертва Креста – это собственное деяние Христа, также и в этой жертве Он «принимает Духа Святого». Он принимает Духа Святого так, что потом лишь Он вместе с Богом Отцом может «дать Его» апостолам, Церкви, человечеству. Он один «посылает» Духа от Отца¹⁵⁶. Он один является апостолам в Сионской Горнице, «дует на них» и говорит: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся»¹⁵⁷, согласно с пророчеством Иоанна Крестителя: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»¹⁵⁸. В этих словах Иисуса Дух Святой объявляется и содействуется присутствующим как Любовь, действующая в глубине Пасхальной Тайны, как источник спасительной силы Креста Христова и как дар новой и вечной жизни.

Эта истина о Святом Духе каждый день находит свое выражение в Римской Литургии, когда перед обрядом Причащения священник произносит эти знаменательные слова: «Господи Иисусе Христе, Сын Бога Живого, по воле Отца, при содействии Святого Духа смертью Своею оживотворивший мир». И в Третьей Евхаристической Молитве, имея в виду все тот же спасительный замысел, священник просит у Бога, чтобы Дух Святой «соделал нас вечным даром Тебе».

5. Кровь, очищающая совесть

42. Мы уже говорили, что на вершине Пасхальной Тайны Дух Святой является окончательно и становится по-новому присутствующим. Воскресший Христос говорит апостолам: «Примите Духа Святого». Так является Святой Дух, ибо слова Христа служат подтверждением того, что Он обещал и о чем возвещал во время Своего слова в Горнице. Это явление становится и новым присутствием Параклита. В действительности Он действовал с самого начала в тайне творения и во всей истории Ветхого Завета, заключенного между Богом и человеком. Его действие обрело полное подтверждение когда Сын Человеческий был послан как Мессия, пришедший в силе Духа. В наивысший момент мессианской миссии Иисуса Святой Дух полностью проявляется в Пасхальной Тайне как божественное Лицо: как Тот, Кто теперь продолжит спасительное дело, основанное на жертве Креста. Несомненно,

Иисус доверяет это дело людям: апостолам, Церкви.

И тем не менее, действуя в этих людях и через них, именно Дух Святой остается основным совершителем этого дела в человеческом духе и в истории мира: незримый, но в то же время вездесущий Параклит! Дух, Который «дышит, где хочет»¹⁵⁹.

Слова Воскресшего Христа в «первый день недели» особо подчеркивают присутствие Параклита-Утешителя как Того, Кто «обличит мир о грехе и о справедливости и о суде». Ибо лишь с этой точки зрения можно объяснить слова, которые Иисус прямо связывает с «дарованием» Духа Святого апостолам. Он говорит: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»¹⁶⁰. Иисус наделяет апостолов властью прощать грехи, с тем, чтобы они передавали ее своим преемникам в Церкви. Эта власть, хотя и даётся людям, однако предполагает и включает в себя спасительное действие Святого Духа. Став «Светом сердец»¹⁶¹, то есть Светом совести, Дух Святой «обличает о грехе», то есть приводит человека к пониманию совершенного им зла и вместе с тем направляет его ко благу. Благодаря множеству даров Духа, в связи с чем Он называется «семикратным», любой род грехов человека может быть достигнут спасительной силой Бога. На самом деле, по словам Св. Бонавентуры, «благодаря семи дарам Святого Духа разрушается все зло и порождается всякое благо»¹⁶².

Таким образом, обращение человеческого сердца, являющееся неперенным условием прощения грехов, совершается под влиянием Утешителя. Без истинного обращения, включающего внутреннее сокрушение, и без искренней и твердой готовности к перемене, грехи остаются «неотпущенными», как говорит Иисус, а вместе с Ним все Предание Ветхого и Нового Заветов. Ведь первые слова, сказанные Иисусом в начале Его служения, согласно Евангелию от Марка, были такими: «Покайтесь и веруйте в Евангелие»¹⁶³. Подтверждением этого увещания является «обличение о грехе», которое по-новому осуществляет Дух Святой, благодаря Искуплению, совершенному Кровью Сына Человеческого. Поэтому в Послании к Евреям говорится, что эта «Кровь... очищает совесть»¹⁶⁴. Она, так сказать, отворяет Святому Духу дверь в глубину человеческого существа, то есть в святилище человеческой совести.

43. II Ватиканский Собор указал на католическое учение о совести, когда говорил о призвании человека и, особенно, о достоинстве человеческой личности. Именно совесть определяет особым образом это достоинство. Ведь совесть – «самое потаенное ядро человека, его святая святых, где он остается наедине с Богом, Чей голос звучит во глубине его души». Она «отзывается, когда нужно, в его сердце: вот это делай, а вот этого избегай». Такая способность избирать благо и препятствовать злу, заложенная Творцом в человека, есть главное свойство личностного субъекта. Но в то же время, «в глубине своей совести человек открывает закон, который не сам он себе дал, но коему он должен повиноваться»¹⁶⁵. Поэтому совесть не является независимым и исключительным источником способности решать, что есть добро, а что – зло. Скорее, в ней глубоко запечатлен принцип послушания по отношению к объективной норме, которая обосновывает и обуславливает соответствие ее решений повелениям и запретам, лежащим в основе человеческого поведения, как ясно следует из текста Книги Бытия, который мы уже рассматривали¹⁶⁶. Именно в этом смысле

совесть есть «потаенная Святая Святых», где «звучит голос Божий». Совесть остается «гласом Божиим», даже тогда, когда человек признает ее не более чем принципом нравственного порядка, который несомненен для человека даже вне всякого непосредственного соотнесения с Творцом. Именно в этом контексте совесть всегда находит свое основание и оправдание.

Евангельское «обличение о грехе» под влиянием Духа истины может совершиться в человеке не иначе, как через его совесть. Если совесть честна, она позволяет «решать столь многочисленные нравственные вопросы, которые возникают как в жизни отдельных людей, так и в жизни общественной», так что «отдельные личности и сообщества отходят от слепого произвола и стремятся сообразоваться с объективными нормами нравственности»¹⁶⁷.

Плод чистой совести – это, прежде всего, умение называть добро и зло их подлинными именами, о чем мы читаем в той же Пастырской конституции: «то, что направлено против самой жизни – как, например, всякого рода человекоубийство, геноцид, аборт, эвтаназия и даже добровольное самоубийство; все то, что нарушает неприкосновенную цельность человеческой личности – как членовредительство, телесные или нравственные мучения, попытки поработить саму душу; все то, что оскорбляет человеческое достоинство – как нечеловеческие условия жизни, заключение в тюрьму по произволу, ссылки, рабство, проституция, торговля женщинами и детьми, а также недостойные условия труда, при которых к трудящимся относятся как к орудиям наживы, а не как к свободным и ответственным личностям». Назвав своими именами многообразные грехи, столь часто встречающиеся и распространенные в наше время, Конституция прибавляет: «Все это и все подобное этому воистину отвратительно. Искажая человеческую цивилизацию, все это позорит скорее тех, кто так поступает, нежели тех, кто терпит несправедливость, и в высшей степени противоречит достоинству Творца»¹⁶⁸.

Называя своими именами грехи, более всего позорящие человека, и показывая, что они являются нравственным злом, которое лежит тяжким грузом на чаше весов человеческого прогресса, в какой бы то ни было области, Собор также описывает все это как этап «драматической борьбы между добром и злом, между светом и тьмой», которая характерна для «всей жизни людей – и индивидуальной, и коллективной»¹⁶⁹. Ассамблея Синода Епископов в 1983 г., посвященная примирению и покаянию, еще яснее указала на индивидуальную и общественную значимость человеческого греха¹⁷⁰.

44. Итак, в Горнице, накануне Своих Страстей, а затем – в вечер дня Пасхи, Иисус Христос говорит о Духе Святом как о Том, Кто свидетельствует, что в человеческой истории продолжает существовать грех. Однако грех подчинен спасительной силе Искупления. «Обличение мира о грехе» не ограничивается тем, что грех называют своим именем и определяют весь присущий ему масштаб зла. Обличая мир о грехе, Дух истины встречается с голосом человеческой совести.

Следуя по этому пути, мы приходим к обнаружению корней греха, находящихся в глубинах человеческого существа, как описано в той же Пастырской конституции: «В действительности тот разлад, от которого страдает современный мир, связан с другим, более глубоким разладом, коренящимся в сердце человека. Ибо в самом человеке

противоборствуют различные стихии. С одной стороны, он в качестве сотворенного существа ощущает свою многообразную ограниченность; с другой стороны, он чувствует себя неограниченным в своих желаниях и призванным к высшей жизни. Влекомый многими вожделениями, он постоянно принужден выбрать какое-то из них и отказаться от других. Мало того: немощный и грешный, нередко он делает то, чего не хочет, а что хотел бы сделать – не делает»¹⁷¹. Соборный текст ссылается здесь на хорошо известные слова ап. Павла¹⁷².

Таким образом, «обличение о грехе», сопровождающее человеческую совесть во всяком углубленном размышлении о самой себе, ведет к открытию как корней греха в человеке, так и обусловленности самой совести в ходе истории. Так мы обнаруживаем ту изначальную реальность греха, о которой уже говорилось. Дух Святой «обличает о грехе» в связи с тайной начала, показывая, что человек есть тварное создание и потому находится в полной онтологической и этической зависимости от Творца, напоминая в то же время о наследственной греховности человеческой природы. Но Дух Святой, Утешитель, «обличает о грехе» всегда в связи с Крестом Христовым. В контексте этой связи христианство отвергает всякий «фатализм» в отношении греха. Как учит Собор, «Вся история человечества полна ожесточенной борьбы против сил тьмы – борьбы, которая началась от сотворения мира и, по слову Господню, продолжится до самого последнего дня»¹⁷³. «Но сам Господь пришел, чтобы освободить и укрепить человека»¹⁷⁴. Поэтому человек, «вовлеченный» в этот бой, в сражение с грехом, полагаясь на голос своей совести «должен постоянно бороться, чтобы держаться добра. Но без упорных трудов и без помощи благодати Божией он не сможет обрести единство в себе самом»¹⁷⁵. Собор по праву рассматривает грех как фактор отчуждения, сильно отягощающий личную и общественную жизнь человека. Но в то же время он неустанно напоминает нам о возможности победы.

45. Дух истины, «обличающий мир о грехе», выходит навстречу этим напряженным усилиям человеческой совести, о которых так наглядно говорят соборные тексты. Эти напряженные усилия совести определяют и пути обращения человека: отвращение от греха, дабы восстановить истину и любовь в самом сердце человека. Известно, как порой дорого обходится признание зла в себе самом. Известно, что совесть не только повелевает и запрещает, но в свете внутренних повелений и запретов также и судит. Это также источник угрызений совести – человек внутренне страдает из-за совершенного им зла. Не является ли это страдание как бы отдаленным эхом того «раскаяния в сотворении человека», которое, говоря антропоморфным языком, Священное Писание приписывает Богу? Того «отвержения», которое, запечатлевшись в «сердце» Святой Троицы, силой вечной любви, преображается в страдания Креста, в Христово послушание даже до смерти? Когда Дух истины позволяет совести человека разделить это страдание, муки совести становятся особенно глубокими, но также и особенно спасительными. В это время, посредством акта совершенного раскаяния, осуществляется истинное обращение сердца: это и есть евангельская «*metanoia*».

Напряженные усилия человеческого сердца, напряженные усилия совести, в которых достигается эта «*metanoia*», или обращение, есть отражение того процесса, в котором осуждение преображается в спасительную Любовь, способную сострадать. Незримым подателем этой спасительной силы является Святой Дух: Тот, кого Церковь называет «Светом

совести», пронизывает и наполняет «глубины человеческого сердца»¹⁷⁶. Благодаря такому обращению во Святом Духе, человек открывается для прощения, для отпущения грехов. И весь этот удивительный процесс обращения и прощения подтверждает истину, о которой пишет св. Августин в связи с тайной человека, когда комментирует слова Псалма: «Бездна бездну призывает»¹⁷⁷. Именно в отношении этих «неизмеримых глубин» человека, человеческой совести, осуществляется миссия Сына и Святого Духа. Дух Святой «приходит» благодаря «отшествию» Христа в Пасхальной Тайне: Он приходит в каждой конкретной ситуации обращения и прощения, силою жертвы Креста. Ибо в этой жертве «кровь Христа... очищает совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому»¹⁷⁸. Таким образом постоянно исполняются слова о Духе Святом как о «другом Утешителе», слова, сказанные на Тайной Вечере апостолам, а через них – всем: «Вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет»¹⁷⁹.

6. Грех против Духа Святого

46. На фоне всего, что было уже сказано, легче становится понять другие слова Иисуса, которые потрясают и тревожат. Их можно назвать словами о «непрощении» («непростительности»). Они переданы нам авторами синоптических Евангелий в связи с особым грехом, который именуется «хулой на Духа Святого». Вот как они были изложены в трех вариантах:

Матфей: «Всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»¹⁸⁰.

Марк: «... будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению»¹⁸¹.

Лука: «Всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому не простится»¹⁸².

Почему же хула на Духа Святого непрощительна? Что следует понимать под этой «хулой»? Св. Фома Аквинский отвечает, что это вопрос о грехе, являющемся «непрощительным по самой своей природе, поскольку он исключает то, посредством чего осуществляется прощение греха»¹⁸³.

Согласно этому толкованию, «хула» состоит собственно не в оскорблении Духа Святого словами, но в отказе принять спасение, которое Бог уготовливает человеку через Духа Святого, действующего силой жертвы Креста. Если человек отвергает «обличение о грехе», которое исходит от Духа Святого и обладает спасительной силой, то тем самым он отвергает и пришествие Утешителя – то пришествие, которое свершилось в Пасхальной Тайне, в единстве с искупительной силой Христовой Крови: Крови, «очищающей совесть от мертвых дел».

Мы знаем, что плодом такого очищения является прощение грехов. Посему тот, кто отвергает Духа и Кровь, продолжает пребывать в «мертвых делах» греха. И хула на Духа Святого

состоит именно в радикальном отказе принять это отпущение, внутренним посредником которого Он является, и которое предполагает истинное обращение, совершаемое Им в совести. Когда Иисус говорит, что хула на Духа Святого не может быть прощена ни в этой жизни, ни в будущей, то причина этого состоит в том, что это «непрощение» закономерно связано с «нераскаянием», иными словами – с радикальным отказом обратиться. Это означает отказ напитать себя от источников Искупления, которые, тем не менее, «всегда» остаются открытыми в домостроительстве спасения, в котором совершается миссия Святого Духа. Дух-Утешитель обладает неограниченной властью черпать из этих источников: «от Моего возьмет», сказал Иисус. Таким образом Он завершает в душах людей свершенное Христом Искупление, даруя его плоды. Хула же против Духа Святого есть грех человека, который, ссылаясь на свое мнимое «право» упорствовать во зле – в любом грехе – тем самым отвергает Искупление. Такой человек затворяется во грехе, делая невозможным свое обращение, а значит, и отпущение грехов, которое он считает несущественным или неважным для своей жизни. Это самое настоящее духовное разрушение, поскольку хула на Духа Святого не позволяет человеку бежать из этого заключения, в которое он сам себя заточил, и открыться навстречу божественным источникам очищения совести и отпущения грехов.

47. Действие Духа истины, ведущее к спасительному «обличению о грехе» встречает в человеке, находящемся в таком состоянии, внутреннее сопротивление, как бы наталкивается на непроницаемую стену его совести, состояние души, которое может быть описано как неизменное по причине свободного выбора. Это то, что Священное Писание обычно называет «ожесточением сердца»¹⁸⁴. В наше время это состояние сердца и ума, видимо, соответствует утрате чувства греха, чему посвящены многие страницы в Апостольском обращении *Reconciliatio et Paenitentia*¹⁸⁵. Еще Папа Пий XII утверждал, что «грех нашего века – это утрата чувства греха»¹⁸⁶, и эта утрата приходит вместе с «утратой чувства Бога». В упомянутом Апостольском обращении мы читаем: «В действительности Бог есть начало и высшая цель человека, и человек несет в себе божественное семя. Поэтому именно реальность Бога раскрывает и показывает тайну человека. Посему тщетно надеяться, что среди людей сможет укорениться чувство греха против человека и против человеческих ценностей, если не будет чувства, указывающего на нанесение оскорбления Богу, то есть подлинного чувства греха»¹⁸⁷.

Потому-то Церковь и молит постоянно Бога о благодати, дабы совесть человеческая не утратила своей прямоты, дабы в людях не притупилась их здоровая чувствительность по отношению к добру и злу. Эта честность и эта чувствительность глубоко глубоко связаны с внутренним действием Духа Истины. Отсюда особое значение приобретает увещание ап. Павла: «Духа не угашайте», «не оскорбляйте Святаго Духа»¹⁸⁸. Но Церковь с величайшим усердием и непрестанно молит прежде всего о том, чтобы тот грех, который Евангелие называет «хулой на Духа Святого», не возрастал, но, напротив, отступал в душах людей – и соответственно в структурах самого общества и различных его формах – уступая место открытости совести, необходимой для спасительного действия Духа Святого. Церковь молится, чтобы опасный грех против Духа уступил священной готовности принять Его миссию Утешителя, когда Он приходит, чтобы «обличить мир о грехе и о справедливости и о

суде».

48. В Своем прощальном слове Иисус связал эти три сферы «обличения» между собой в качестве составных частей миссии Параклита: грех, справедливость и суд. Они знаменуют собой область действия той *тайны благочестия*, которая в истории человечества противостоит греху, *тайне беззакония*¹⁸⁹. С одной стороны, как говорит св. Августин, существует «любовь к себе вплоть до презрения к Богу», с другой – «любовь к Богу вплоть до презрения к себе»¹⁹⁰. Церковь постоянно возносит свою молитву и осуществляет свое служение, чтобы история совести и история сообществ внутри великой семьи человечества не опускалась к полюсу греха путем отвержения заповедей Божиих «вплоть до презрения к Богу», но скорее восходила к любви, в которой открывается Дух, дарующий жизнь.

Позволяющие Духу Святому «обличить себя о грехе», позволяют Ему также «обличать о справедливости и о суде». Дух истины, помогающий людям и их совести познать истину о грехе, одновременно позволяет им познать также истину той справедливости, которая вошла с Иисусом Христом в человеческую историю. Таким образом, тот, кто, будучи «обличенным о грехе», обратится через действие Утешителя, (...) в некотором смысле, выводится из сферы «суда»: того «суда», которым «князь мира сего осужден»¹⁹¹. В глубине этой бого-человеческой тайны обращение означает разрыв всех уз, которыми грех соединяет человека с *тайной беззакония* в целом.

Таким образом, обращенные выводятся Духом Святым из сферы «суда» и вводятся в ту справедливость, которая есть в Иисусе Христе, и пребывает в Нем именно потому, что Он принял ее от Отца¹⁹² как отражение Святости Троицы. Это – справедливость Евангелия и Искупления, справедливость Нагорной Проповеди и Креста, которая приводит к очищению совести через Кровь Агнца. Это та справедливость, которую Отец дает Сыну и всем тем, кто соединен с Ним в истине и любви.

В этой справедливости открывает себя Дух Святой, Дух Отца и Сына, который «обличает мир о грехе» и становится присутствующим в человеке как Дух жизни вечной.

ЧАСТЬ III **ДУХ ЖИВОТВОРЯЩИЙ**

1. Основание для Юбилея 2000 г.: Христос, зачатый Духом Святым

49. К Духу Святому обращаются мысль и сердце Церкви ныне, когда кончается двадцатый век, приближается начало третьего тысячелетия со времени пришествия в мир Иисуса Христа, в предвидении великого Юбилея, коим Церковь отметит это событие. Ведь само исчисление времени указывает на пришествие Христа как на событие, относящееся к истории человека на земле. Принятое исчисление времени основано на отсчете лет, веков и тысячелетий в их последовательности до или после Рождества Христова. Но следует также помнить, что для нас, христиан, Его пришествие знаменует, как говорил ап. Павел, «полноту времени»¹⁹³, поскольку в нем человеческая история была всецело пронизана «мерой» Самого Бога, трансцендентным присутствием вечного «ныне». Присутствием Христа, «Который есть и был и грядет», Который есть «Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний»¹⁹⁴. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в

Него, не погиб, но имел жизнь вечную»¹⁹⁵. «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены, дабы нам получить усыновление»¹⁹⁶. И это воплощение Сына – Слова, совершилось «от Духа Святого».

Оба Евангелиста, которым мы обязаны рассказом о рождении и детстве Иисуса из Назарета, излагают это одинаково. Согласно Луке, во время Благовещения о Рождестве Христовом Мария спросила: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?». И получила такой ответ: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим»¹⁹⁷.

Матфей повествует в простой манере: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочелась она, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго»¹⁹⁸. Иосиф, смущенный этим, получает во сне следующее объяснение: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо ‘Ребенок, которого она носит, зачат от Духа Святого’ (пер.В.Н. Кузнецовой); родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их»¹⁹⁹.

Таким образом с самого начала исповедание Церковью тайны Воплощения, сей ключевой тайны веры, связано с упоминанием о Духе Святом. Апостольский Символ веры гласит: «Верую в Господа... Который был зачат Духом Святым, рожден Девой Марией». Подобным образом и Никео-Константинопольский Символ утверждает: «Верую в... Господа... воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего Человеком».

Воплотившись «от Духа Святого», стал Человеком Тот, Кого Церковь, словами того же Символа, исповедует Сыном, единосущным Отцу: «Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного». Он соделался человеком, воплотившись «от... Марии Девы». Это произошло, когда пришла «полнота времени».

50. Завершающий Второе Тысячелетие Великий Юбилей, к празднованию которого уже готовится Церковь, имеет непосредственную христологическую направленность: ибо это торжество, посвященное Рождеству Иисуса Христа. В то же время у него есть и пневматологический аспект, поскольку тайна Воплощения совершилась «Духом Святым». Ее «осуществил» Тот Дух, Который – будучи Единосущным Отцу и Сыну – в абсолютной тайне Троидного Бога есть Лицо-Любовь, несотворенный Дар, являющийся вечным источником каждого дара, исходящего от Бога в порядке творения; непосредственный принцип и, в определенном смысле, субъект само-сообщения Бога в порядке благодати. Тайна Воплощения является вершиной этого дарения, этого божественного само-сообщения.

Действительно, Зачатие и Рождество Иисуса Христа – это величайшее свершение Духа Святого в истории творения и спасения: наивысшая благодать, – «благодать единения» (*gratia unionis*), – источник всякой иной благодати, как объясняет св. Фома²⁰⁰. Великий Юбилей относится к этому делу, а также – если мы глубже осмыслим его – к его Совершителю, к Ипостаси Духа Святого.

Ибо «полноте времени» соответствует особая полнота само-сообщения Троидного Бога во Святом Духе. «Духом Святым» осуществляется тайна «ипостасного соединения», то есть соединения божественной природы с человеческой, божества с человечеством в единой

Ипостаси Сына-Слова. Когда во время Благовещения Мария произносит Свое *fiat* – «Да будет Мне по слову твоему»²⁰¹ – Она непорочно зачинает Человека, Сына Человеческого, являющегося Сыном Божиим. Посредством этого «вочеловечения» Сына-Слова, само-сообщение Бога достигает в истории творения и спасения окончательной полноты. Эта полнота особо убедительно выражена в Евангелии от Иоанна: «Слово стало плотью»²⁰². Воплощение Бога-Сына знаменует принятие в единство с Богом не только человеческой природы, но в ней, в определенном смысле, всего того, что является «плотью»: всего человечества, всего видимого материального мира. Таким образом, Воплощение обладает также и космическим значением, космическим измерением. Христос, будучи «Рожденным прежде всякой твари»²⁰³, воплощаясь в человеческую личность, соединяется определенным образом со всей человеческой природой, а в ней – со всякой «плотью»²⁰⁴, и со всем творением.

51. Все это совершается «Духом Святым», и потому является частью приближающегося Великого Юбилея. Церковь может готовиться к нему не иначе, как во Святом Духе. То, что совершилось в «полноте времени» действием Духа Святого, может ныне обновиться в памяти Церкви лишь силой Того же Духа, и благодаря Его силе может присутствовать в новом этапе земной истории человека: в 2000 году от Рождества Христова.

Дух Святой, осенивший Своей силой девственное тело Марии, полагая в Ней начало Ее Богоматеринства, одновременно соделал Ее сердце всецело послушным тому само-сообщению Бога, которое превышает всякое понятие и всю силу разума человека. «Блаженна Уверовавшая!»²⁰⁵, – так приветствовала Марию Ее родственница Елисавета, сама «исполненная Духом Святым»²⁰⁶. В словах приветствия, обращенных к Той, что «уверовала», прослеживается отдаленный, но, по сути дела, отчетливый контраст по отношению ко всем тем, о которых Христос впоследствии скажет, что они «не веруют»²⁰⁷. Мария входит в историю спасения мира через послушание веры. Вера же, в ее глубочайшей сущности, есть открытость сердца человека навстречу Божьему дару: навстречу само-сообщению Бога в Духе Святом. Ап. Павел пишет: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»²⁰⁸. Когда Троичный Бог открывается человеку в Духе Святом, это откровение Божие являет и дарует сотворенному человеку полноту свободы. Эта полнота высочайшим образом проявилась в вере Марии, в Ее «послушании веры»²⁰⁹. Воистину – «Блаженна Уверовавшая!».

2. Основание Юбилея: явление благодати

52. В тайне Воплощения действие Духа «Животворящего» достигает своей вершины. Невозможно даровать жизни полнота которой пребывает в Боге, иначе, чем соделав ее жизнью Человека – Христа в Его человечестве, воспринятым Словом в ипостасном единстве. Вместе с тем, с тайной Воплощения по-новому открывается источник этой божественной жизни в истории человечества: Дух Святой. Слово, «рожденное прежде всякой твари», становится «первородным между многими братьями»²¹⁰, и, соответственно, становится главою Тела, каковым является Церковь, рожденной на Кресте и явленной в день Пятидесятницы, а в Церкви – Он становится главой человечества: людей всех народов, всех

рас, всех стран и культур, всех языков и континентов, призванных ко спасению. «Слово стало плотью, и в Нем была жизнь и жизнь была Свет человеков... и всем, кто принял Его, Он дал власть быть чадами Божиими»²¹¹. Но все это совершилось и непрестанно совершается силою Духа Святого.

Ибо, как учит ап. Павел, «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии»²¹². Осознание того, что все мы, усыновленные чада Божии, рождается в людях на основе тайны Воплощения, то есть благодаря Христу, вечному Сыну. Но это рождение, или возрождение, происходит, когда Отец «посылает в наши сердца Духа Сына Своего»²¹³. И тогда мы принимаем «Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!”»²¹⁴. Таким образом, осознание себя чадом Божиим, насажденное в душе человека посредством освящающей благодати, есть дело Духа Святого. «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу»²¹⁵. Освящающая благодать является в человеке началом и источником новой жизни: божественной, сверхъестественной жизни.

Дарование этой новой жизни – как бы окончательный ответ Бога на слова Псалмопевца, в которых некоторым образом отзывается глас всего творения: «Пошлешь Дух Твой – созидаются, и Ты обновляешь лицо земли»²¹⁶. Тот, Кто в тайне творения дарует человеку и вселенной жизнь в ее многочисленных формах, зримых и незримых, еще раз обновляет ее посредством тайны Воплощения. Таким образом, творение завершается Воплощением, и с этого момента оно пронизано силой Искупления, объемлющей человечество и все творение. Об этом говорит нам ап. Павел, космическо-теологическое видение которого как бы повторяет слова древнего псалма: все творение «с надеждою ожидает откровения сынов Божиих»²¹⁷, то есть тех, кого Бог «предузнал» и кого Он «предопределил быть подобными образу Сына Своего»²¹⁸. У истоков этого сверхъестественного «усыновления» стоит Дух Святой – Любовь и Дар. Он дается человеку как Любовь и Дар. И в изобилии этого несотворенного дара берет начало в сердце человека тот особый сотворенный дар, через который люди «соделываются причастниками Божеского естества»²¹⁹. Так жизнь человека проникается соучастием в божественной жизни, и сама также обретает божественное, сверхъестественное измерение. Это новая жизнь, в которой люди, будучи сопричастны тайне Искупления, «имеют доступ к Отцу в Духе Святом»²²⁰. Итак, существует тесная взаимосвязь между Духом, дающим жизнь и освящающей благодатью, и (...) той сверхъестественной жизненной силой человека, которая проистекает от этой благодати: между несотворенным Духом и сотворенным духом человека.

53. Все это, можно сказать, вписывается в рамки упомянутого выше Великого. Ибо следует переступить исторические границы, в которых рассматривается этот факт. В самом христологическом содержании празднуемого Юбилея следует постичь его пневматологическое измерение, охватывая очами веры два тысячелетия действия Духа истины, Который на протяжении веков черпал из сокровищ Искупления Христа, давая людям новую жизнь, совершая в них усыновление в Сыне Единородном, освящая их, дабы они могли вместе с ап. Павлом сказать: «Мы приняли... Духа от Бога»²²¹.

Но, рассматривая это основание Юбилея, нельзя ограничиваться лишь двумя тысячелетиями, прошедшими от Рождества Христова. Следует вернуться назад, охватить все действие Духа Святого также и до Христа – с самого начала, во всем мире, и особенно в домостроительстве Ветхого Завета. Ибо Он действовал везде и во все времена, а также и в каждом человеке, в соответствии с вечным замыслом спасения, и потому Его действие тесно связано с тайной Воплощения и Искупления, которые, в свою очередь, оказывали влияние на тех, кто веровал в будущее пришествие Христа. Это особенно ясно подтверждается в Послании к Ефессянам²²². Итак, благодать имеет как христологический, так и пневматологический аспекты, что проявляется, прежде всего, в тех, кто открыто принимает Христа: «В Нем [во Христе] и вы ... запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего»²²³.

Но, оставаясь в рамках перспективы Великого Юбилея, мы должны смотреть и дальше, и шире, зная, что «Дух дышит где хочет», согласно образу, использованному Иисусом в беседе с Никодимом²²⁴. II Ватиканский Собор, сосредоточенный, прежде всего, на теме Церкви, напоминает нам о действии Духа Святого и «вне видимого тела Церкви». Собор ясно говорит обо всех людях «доброй воли, в сердцах которых незримо действует благодать. Поскольку Христос умер за всех, и так как высшее призвание человека в действительности одно, то есть Божие, мы должны твердо верить, что Святой Дух дает всем возможность приобщиться к этой Пасхальной тайне ведомым Богу образом»²²⁵.

54. «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»²²⁶. Эти слова были произнесены Иисусом в другой беседе, с женщиной-самарянкой. Великий Юбилей, которым будет отмечен конец этого и начало следующего тысячелетия, должен стать мощным призывом ко всем тем, кто «поклоняется Богу в духе и истине». Он должен стать для всех особым поводом к размышлению о тайне Троицеобразного Бога, который сам по себе полностью трансцендентен по отношению к миру, особенно к зримому миру. Ибо Он есть абсолютный Дух – «Бог есть дух»²²⁷; но, вместе с тем Он совершенно дивным образом не только близок к миру, но и присутствует в нем и, в определенном смысле, имманентен ему, он пронизывает его и оживотворяет его изнутри. Это особенно верно по отношению к человеку: Бог присутствует в глубине его существа, в его уме, совести и сердце: Бог есть онтологическая и психологическая реальность, размышляя над которой св. Августин говорил о Нем, что Он был «глубже глубин моих»²²⁸. Эти слова помогают нам лучше понять слова Иисуса, сказанные женщине-самарянке: «Бог есть дух». Лишь Дух может быть «глубже глубин моих». Лишь Дух может быть столь имманентным человеку и миру, оставаясь в то же время недостижимым и неизменным в Своей абсолютной трансцендентности.

Это божественное присутствие в мире и человеке проявилось новым образом и в видимой форме в Иисусе Христе. В Нем «явилась благодать Божия»²²⁹. Любовь Бога Отца, божественный дар, бесконечная благодать, источник жизни, стала зримой во Христе. В Его Человечестве эта любовь стала «частью» вселенной, человечества и истории. Это явление благодати в истории человека через Иисуса Христа было совершено Духом Святым, являющимся источником всего спасительного деяния Бога в мире: Он, «Бог сокровенный»²³⁰, как Любовь и Дар «наполняет вселенную»²³¹. Вся жизнь Церкви, которая

найдет свое выражение в Великом Юбилее, означает движение навстречу сокровенному Богу – навстречу Духу «Животворящему».

3. Дух Святой во внутреннем конфликте человека: «ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти».

55. История спасения показывает, что приближение Бога к человеку, Его присутствие в человеческой жизни, это дивное «нисхождение» Духа, встречает, к сожалению, сопротивление и противостояние в нашей человеческой природе. Сколь красноречивы, с этой точки зрения, пророческие слова старца Симеона, который, по вдохновению от Духа, пришел в Иерусалимский Храм, чтобы в присутствии новорожденного Вифлеемского Младенца возвестить, что «лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий»²³². Противостояние Богу, Который есть Дух невидимый, рождается в определенной степени уже из самого радикального отличия мира от Бога, то есть из отношения «зримости» и «материальности» мира – к Нему, «незримому» и «абсолютному Духу», из сущностного несовершенства мира в сравнении с Ним, совершеннейшим бытием. Это противостояние становится конфликтом и мятежом в нравственном плане из-за греха, овладевающего человеческим сердцем, в котором «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти»²³³. В этом грехе и должен Дух Святой «обличить мир», как мы уже сказали.

Напряжение и борьбу, которая происходит в человеческом сердце, особенно красноречиво описывает ап. Павел. В Послании к Галатам мы читаем: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы»²³⁴. В человеке, как в существе, соединяющем в себе дух и тело, уже существует некое напряжение, определенная борьба наклонностей между «духом» и «плотью». Но в действительности, эта борьба есть порождение греха, его следствие и, одновременно, его подтверждение. Это – часть нашего повседневного опыта. Как пишет апостол: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство... пьянство, бесчинство и тому подобное». Это – грехи, которые можно назвать «плотскими». Но апостол добавляет к ним и другие: «вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия»²³⁵. Все это относится к «делам плоти».

Этим, без сомнения, злым делам Павел противопоставляет «плод духа», а именно «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание»²³⁶. Из контекста ясно, что апостол не пытается унижить или осудить тело, которое вместе с духовной душой принадлежит к природе и личности человека; скорее, речь идет о делах, или, вернее, о привычных способах поведения человека – его добродетелях и пороках, – которые нравственно хороши или дурны как плод послушания (в первом случае) или сопротивления (во втором) спасительному действию Святого Духа. Поэтому апостол пишет: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны»²³⁷. И в других местах: «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном»; «но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас»²³⁸. Противопоставление, которое ап. Павел устанавливает между жизнью «по духу» и жизнью «по плоти», приводит к дальнейшему противопоставлению – между «жизнью» и «смертью»: «Помышления плотские

суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир». Отсюда следует предостережение: «если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете»²³⁹.

Этот текст, если его должным образом понимать, является увещанием жить в истине, то есть согласно указаниям честной совести, и в то же время – это исповедание веры в Духа истины как в Того, кто животворит. Ибо тело «мертво чрез грех, но дух есть жизнь чрез праведность», «значит, братья, мы должники не плоти, чтобы по плоти жить» *²⁴⁰. Скорее мы – должники Христа, Который в Пасхальной Тайне совершил наше оправдание, обретя для нас Духа Святого: «Ибо мы куплены дорогою ценою»²⁴¹.

В текстах ап. Павла наслаиваются друг на друга и проникают друг в друга онтологическое измерение (плоть и дух), этическое измерение (нравственное добро и зло) и измерение пневматологическое (действие Духа Святого в порядке благодати). Его слова (особенно в Посланиях к Римлянам и к Галатам) позволяют нам познать и полнее ощутить величину того напряжения и борьбы, которая разворачивается в человеке между открытостью к воздействию Духа Святого и сопротивлением и противостоянием Ему, Его спасительному Дару. Пределами или полюсами этого противопоставления являются: со стороны человека – его ограниченность и грешность, болевые точки его психологической и этической реальности; а со стороны Бога – тайна божественного дара, непрестанное само-сообщение божественной жизни в Духе Святом. Кто победит? Тот, кто сумеет принять Дар.

56. Противостояние Святому Духу во внутреннем и субъективном измерении человека, которое св. Павел описывает как напряжение, борьбу, мятеж, происходящий в человеческом сердце, находит, к сожалению, в разные исторические периоды, особенно в современную эпоху, и свое внешнее выражение, принимающее конкретные формы в содержании культуры и цивилизации, как та или иная философская система, как идеология, как программа воспитания и воздействия на человеческое поведение. Это сопротивление находит свое наивысшее выражение в материализме: как в его теоретической форме (как системы мысли), так и в практической (как метод оценки и понимания фактов, и связанной с этим программы действий).. Системой, в которой эта форма мысли, идеологии и практики получила свое максимальное развитие и привела к экстремальным практическим результатам, является диалектический и исторический материализм, и поныне считающийся жизненной субстанцией марксизма.

Материализм полностью – принципиально и практически – исключает присутствие Бога, Который есть дух, он отрицает Его действие в мире и, прежде всего, в человеке; главная причина этого заключается в том, что эта система взглядов отрицает существование Бога, и по своей сути и программе она является атеистичной. Этому поразительному феномену нашего времени, атеизму, в документах II Ватиканского Собора посвящено несколько важных страниц²⁴². Даже если невозможно говорить об атеизме однозначно, или сводить его исключительно к материалистической философии, поскольку существуют различные его виды, и даже можно сказать, что само это слово нередко используется в разных значениях, все же бесспорно, что настоящий материализм, понимаемый как теория, объясняющая реальность и применяемая в качестве основного принципа личной и общественной

деятельности, носит атеистический характер. Система ценностей и целей деятельности, которыми оперирует материализм, тесно связана с восприятием всей реальности как «материи». Хотя материализм иногда и говорит о «духе и вопросах духа», например, в области культуры или нравственности, он делает это лишь постольку, поскольку полагает некоторые явления производными от материи (эпифеноменами), так как, согласно этой системе мысли, материя является единственной формой бытия. Из этого следует, что, согласно такому толкованию, религия может рассматриваться лишь как своеобразная «идеалистическая иллюзия», с которой надлежит бороться всеми подходящими средствами и методами, соответственно обстоятельствам места и времени, чтобы устранить ее из жизни общества и из самого человеческого сердца.

Поэтому можно сказать, что материализм есть систематическое и последовательное развитие того сопротивления и противостояния, которое было осуждено ап. Павлом в словах: «то, чего хочет наша природа, противоположно Духу»^{**}. Эта конфликтность, однако, взаимна, как подчеркивает апостол во второй части своего изречения: «а то, чего хочет Дух, противоположно природе»^{**}. Кто хочет жить по духу, принимая его спасительное действие и отвечая на него, должен отвергнуть внутренние и внешние склонности и притязания «плоти», в том числе в их идеологическом и историческом выражении антирелигиозного «материализма». На этом фоне, столь характерном для нашего времени, готовясь к Великому Юбилею, следует выдвигать на первый план «помышления духа», как призывы, звучащие в ночи нового Адвента, в конце которого, как и две тысячи лет назад, «узрит всякая плоть спасение Божие»²⁴³. Эту возможность и надежду, Церковь вверяет мужчинам и женщинам наших дней. Церковь знает, что с пришествием Бога, с Его Воплощением, с Его вновь и вновь обновляющимся само-сообщением во Святом Духе столкновения между «помышлением против духа», которое характеризует многие аспекты современной цивилизации, особенно некоторые ее области, и «помышлением против плоти» во многих случаях могут принимать драматический характер и, возможно, вести к новым человеческим поражениям. Но она твердо верует, что Бог, со Своей стороны, всегда осуществляет спасительное дарование Себя, искупительное пришествие и целительное «обличение о грехе» через действие Духа.

57. В Павловом противопоставлении «духа» и «плоти» содержится также и противостояние «жизни» и «смерти». Это – серьезная проблема, о которой следует сразу сказать, что материализм, как система мысли, во всех своих формах рассматривает смерть в качестве окончательного предела человеческого существования. Все материальное преходяще, и поэтому человеческое тело (поскольку оно является «животным») смертно. Если человек в своем бытии есть лишь «плоть», то смерть остается для него непреодолимой гранью и пределом. В этом контексте становится понятным утверждение, что жизнь человека есть ничто иное, как «бытие к смерти».

Необходимо добавить, что на горизонте современной цивилизации, особенно учитывая ее развитость в научно-техническом отношении, знамения и симптомы смерти стали возникать особенно часто. Достаточно вспомнить о гонке вооружения и о присущей ей опасности ядерного самоуничтожения. С другой стороны, все более очевидным становится тяжелое положение огромных регионов нашей планеты, отмеченных нищетой и голодом, несущим с

собой смерть. Речь идет о проблемах, которые являются не только экономическими, но также – и прежде всего – этическими. Но на горизонте нашей эпохи сгущаются еще более мрачные «знамения смерти»: распространился обычай – во многих местах грозящий стать установлением – отнимать жизнь у человеческих существ прежде, чем они рождаются, или до того, как они подойдут к естественному пределу смерти. Кроме того, несмотря на множество благородных усилий в пользу мира, развязаны и ведутся новые войны, лишаящие жизни и здоровья сотни тысяч людей. И как не упомянуть также (...) о покушениях на человеческую жизнь со стороны терроризма, организованном уже на международном уровне?

Все это, увы, лишь частичный и неполный набросок трагической картины смерти, сложившейся в нашу эпоху, в то время как мы все более приближаемся к концу второго тысячелетия христианства. Неужели из этого мрака материалистической цивилизации, и особенно из этих многочисленных знамений смерти в социологически-исторических рамках, в которых реализует себя эта цивилизация, не возносится новый, более или менее осознанный, призыв, обращенный к Духу Животворящему? В любом случае, даже независимо от того, насколько велики надежда или отчаяние людей, невзирая на иллюзии и обман, порожденные развитием материалистической системы мысли и жизни, христианская уверенность в том, что Дух дышит, где хочет, и что мы обладаем «начатком Духа», остается незыблемой. И поэтому, даже если можем быть подвержены страданиям преходящего времени, все таки «стенаем, ожидая... искупления тела нашего»²⁴⁴, то есть всего нашего человеческого бытия, телесного и духовного. Мы стенаем, это верно, но в ожидании, исполненном непреходящей надежды, ибо Бог, Который есть Дух, приблизился именно к этому человеческому существу. Бог Отец «послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти»²⁴⁵. На вершине Пасхальной Тайны, Сын Божий, ставший Человеком и распятый за грехи мира, явился после Воскресения посреди апостолов, дунул на них и сказал: «Примите Духа Святаго». Это «дуновение» продолжается вовек, ибо «Дух подкрепляет нас в немощах наших»²⁴⁶.

4. Святой Дух укрепляет «внутреннего человека»

58. Тайна Воскресения и Пятидесятницы возвещается и переживается Церковью, наследницей и продолжательницей свидетельства апостолов о Воскресении Иисуса Христа. Она является вечной свидетельницей этой победы над смертью, победы, которая явила силу Духа Святого и обусловила Его новое пришествие и новое присутствие в людях и в мире. Ведь в Воскресении Христовом Дух Святой – Параклит – раскрылся прежде всего как Тот, Кто животворит: «Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас»²⁴⁷. Во имя Воскресения Христова Церковь возвещает жизнь, которая проявилась за пределами смерти, жизнь, которая сильнее смерти. В то же время она возвещает Того, Кто дарует эту жизнь: Духа, Подателя Жизни; она возвещает Его и сотрудничает с Ним в даровании жизни. Ибо, если «...тело мертво для греха», то «дух жив благодаря оправданию» (перевод К.К.)²⁴⁸, содеянному распятым и воскресшим Христом. И во имя Воскресения Христа Церковь в тесном единении со Святым Духом и смиренной службе Ему, служит жизни, исходящей от Самого Бога.

Именно в силу этого служения человек по-новому становится «путем Церкви», как я уже говорил в своей Энциклике о Христе-Искупителе²⁴⁹ и как повторяю ныне в данной Энциклике о Духе Святом. В единении с Духом Церковь более чем кто-либо иной знает о внутренней реальности человека, что в нем наиболее глубоко и наиболее существенно, поскольку это является духовным и непреходящим. На этом уровне Дух прививает человеку «корень бессмертия»²⁵⁰, от которого произрастает новая жизнь, то есть жизнь человека в Боге, которая, являясь плодом спасительного само-сообщения Бога в Духе Святом, может развиваться и укрепляться лишь под действием Духа. Поэтому ап. Павел обращается к Богу от имени верующих, которым заявляет: «Преклоняю колени мои пред Отцем..., да даст вам... крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке»²⁵¹.

Под влиянием Духа Святого зреет и укрепляется этот внутренний, то есть «духовный» человек. Благодаря божественному сообщению, дух человеческий, знающий лишь, «что в человеке», встречается с «Духом, проникающим все, и глубины Божии»²⁵². В этом Духе, вечном Даре, Троиный Бог открывается человеку и человеческому духу. Сокровенное веяние божественного Духа позволяет человеческому духу открыться, в свою очередь, навстречу спасительному и освящающему самораскрытию Бога. Через дар Благодати, исходящий от Духа Святого, человек входит в «новую жизнь», он вводится в сверхъестественную реальность самой божественной жизни и становится «обиталищем Духа Святого», живым храмом Божиим²⁵³. Так как Отец и Сын приходят к нему и обитают в нем посредством Духа Святого²⁵⁴. В благодатном общении с Троицей «жизненное пространство» человека расширяется и возводится на сверхъестественный уровень божественной жизни. Человек живет в Боге и Богом: он живет «по Духу» и «помышляет о духовном».

59. Внутренняя связь с Богом во Святом Духе помогает человеку по-новому понять и самого себя, свою человечность. Так обретает свою полноту тот образ и подобие Божие, каковым изначально является человек²⁵⁵. Эта глубинная истина человеческого существа должна постоянно раскрываться в свете Христа, первообраза отношений с Богом. Во Христе должно быть вновь обретено и основание для «полного обретения человеком самого себя», «через искреннюю самоотдачу» другим, как пишет II Ватиканский Собор – именно и в этом проявляется богоподобие человека, которое показывает, что он «единственное на земле творение, которое Бог пожелал создать ради него самого» во всем достоинстве его личности, открытой для объединения с другими и социального общения²⁵⁶. Успешное познание и полное воплощение этой истины бытия осуществляется лишь силой Духа Святого. Человек учится этой истине от Иисуса Христа и осуществляет ее на практике в собственной жизни силой Духа Святого, дарованного нам Иисусом.

На этом пути – на пути достижения внутренней зрелости, включающем полное раскрытие смысла человечности, – Бог приближается к человеку, и все глубже проникает в весь человеческий мир. Троиный Бог, «существующий» в Себе как трансцендентная реальность межличностного Дара, сообщая Себя в Святом Духе людям как дар, преображает человеческий мир изнутри, из глубины сердца и ума каждого человека. Содейваясь причастным к этому божественному дару, на этом пути мир становится, по учению Собора, «все более гуманным»²⁵⁷, а внутри мира, через сердца и совесть людей, возрастает то

Царство, в котором Бог будет, в конце концов, «все во всем»²⁵⁸: как Дар и Любовь. В этом – вечная сила Троиственного Бога, открывающего Себя человеку и миру во Святом Духе.

В преддверии 2000-го года от Рождества Христова речь идет о том, чтобы как можно большее число людей смогло, как сказано в уже приведенных словах Собора, «полностью обрести себя через искреннюю самоотдачу», чтобы под воздействием Духа-Параклита в нашем мире осуществился тот процесс подлинного возрастания человечности в личной и общественной жизни, говоря о котором Сам Иисус, «когда... молится Отцу: “да будут все едино... как Мы едино” (Ин. 17:21-22), намекает на некое сходство между единением Божественных ипостасей и единением сынов Божиих в истине и любви»²⁵⁹. Собор подтверждает эту истину о человеке, и Церковь видит в ней особенно веское и убедительное указание на ее собственные апостольские задачи. Ибо, если человек есть путь Церкви, этот путь проходит через всю тайну Христа, Божественного первообраза человека. Укрепляя в каждом из нас «внутреннего человека», Святой Дух позволяет нам на этом пути все более «обретать самих себя... через искреннюю самоотдачу». Можно сказать, что в этих словах Соборной Пастырской Конституции обобщается вся христианская антропология: та теория и практика, основанная на Евангелии, в которой человек, обнаруживая свою принадлежность Христу, а в Нем – свое возвышение до чада Божьего, лучше понимает и свое достоинство как человека: именно потому, что он, человек, является субъектом пришествия и присутствия Бога, субъектом божественного нисхождения, заключающего в себе перспективу и первоисток конечного прославления человека. Таким образом, действительно можно сказать, что «славой Бога есть живущий человек, но жизнь человека – в том, чтобы видеть Бога»²⁶⁰: человек, живущий божественной жизнью, есть слава Божия, а Дух Святой – сокровенный податель этой жизни и этой славы. Дух Святой, по слову Василия Великого, «(...)«будучи прост в сущности и многообразен в в силах ... простирается без всякого умаления и присутствует в каждом, способном принять Его, как если бы тот был единственным, и дарует благодать, которой хватает на всех»».²⁶¹.

60. Когда, под влиянием Параклита, люди открывают это божественное измерение своего бытия и своей личной и общественной жизни, они в состоянии освободиться от гнета различных обусловленностей, исходящих, в основном, из материалистического мышления, его практического воплощения, и методологии. В наше время этим факторам удалось проникнуть в самую глубину бытия человека, в то святилище совести, где Дух Святой распространяет свет и силу новой жизни «в свободе детей Божиих». Возрастанию человека в этой жизни препятствуют условия, создаваемые господствующими структурами и механизмами различных областей жизни общества и давление, оказываемое ими. Можно сказать, что во многих случаях социальные факторы вместо того, чтобы содействовать развитию и возрастанию человеческого духа, отрывают его от подлинной истины бытия и жизни – от того, над чем бдит Дух Святой, – чтобы подчинить его «князю мира сего».

Великий Юбилей 2000-го года несет в себе, таким образом, весть об освобождении через действие Духа, Который один может помочь людям и сообществам освободиться от старых и новых обусловленностей, направляя их «законом духа жизни во Христе Иисусе»²⁶², открывая и осуществляя тем самым полную меру истинной свободы человека. Ибо, как пишет ап.

Павел, «где Дух Господень, там свобода»²⁶³. Такое откровение о свободе, а значит – об истинном достоинстве человека, обретает особую убедительность для христиан и для Церкви во время преследований – как в древности, так и сейчас, – поскольку при этом свидетели божественной Истины становятся живым подтверждением действия Духа истины, присутствующего в сердцах и умах верных, и нередко они собственной мученической смертью знаменуют высшее прославление достоинства человека.

Но и в обычных условиях общества христиане, как свидетели истинного достоинства человека, через послушание Духу Святому многообразно содействуют «обновлению лика земли», сотрудничая со своими братьями, чтобы осуществить и использовать во благо все то, что является благим, благородным и прекрасным в современном прогрессе цивилизации, культуры, науки, техники и других областей мысли и деятельности человека.²⁶⁴ Они делают это как ученики Христа, Который, как учит Собор, «став, благодаря Своему Воскресению, Господом... уже действует в сердцах людей силою Своего Духа – не только пробуждая жажду будущего века, но и тем самым животворя, очищая и укрепляя также те великодушные порывы, посредством которых человеческая семья стремится сделать свою жизнь более гуманной и подчинить этой цели всю землю»²⁶⁵. Тем самым они еще более утверждают величие человека, созданного по образу и подобию Божьему, величие, которое мы видим в тайне Воплощения Сына Божьего, который, «когда пришла полнота времени», силой Духа Святого вошел в историю и явил себя истинным Человеком – Он, рожденный прежде всякой твари, «из Которого все, и мы для Него»²⁶⁶.

5. Церковь, таинство внутреннего единения с Богом

61. Приближаясь к концу второго тысячелетия, которое должно напомнить всем о пришествии Слова «в полноте времени» и как бы возобновить Его присутствие, Церковь еще раз намерена осмыслить самую сущность своего богочеловеческого устройства и той миссии, которая, согласно учению и сохраняющему неизменную ценность намерению II Ватиканского Собора, позволяет ей участвовать в мессианском послании Христа. Следуя этой линии, надлежит взойти к началу, вернуться в Сионскую Горницу, в которой Иисус Христос сообщил откровение о Духе Святом как Параклите, Духе истины, и где Он говорил о Своем отшествии через Крест, как о необходимом условии пришествия Духа: «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам»²⁶⁷. Мы видели, что это возвешение исполнилось уже вечером дня Пасхи, а затем – во время празднования Пятидесятницы в Иерусалиме, и что с тех пор оно всегда исполняется в истории человечества посредством Церкви.

В свете этого возвешения приобретает весомое значение и то, что Иисус – тогда же, на Тайной Вечере – сказал о Своем новом пришествии. Знаменательно, что в той же прощальной беседе Иисус возвещает не только Свое отшествие, но и Свое новое пришествие. Он говорит: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам»²⁶⁸. И в момент Своего последнего прощания перед вознесением на небеса Он еще более ясно повторяет: «Се, Я с вами во все дни до скончания века»²⁶⁹. Это новое пришествие Христа, Его продолжающееся пришествие, для того, чтобы быть с апостолами и с Церковью, это «Я с вами во все дни до скончания века» не отменяет, конечно, факта Его отшествия. Пришествие следует за

отшествием Христа по завершении Его мессианской деятельности на земле и осуществляется в связи с вознесенным посланием Духа Святого и, в определенном смысле, является частью Его миссии. Все это, следовательно, совершается через Духа Святого, благодаря Которому ушедший Христос, приходит по-новому ныне и вовеки. Это новое пришествие Христа силой Духа Святого, а также Его постоянное присутствие и действие в духовной жизни, осуществляются в реальности Таинств. В этой реальности Христос, ушедший в Своем видимом человечестве, приходит, присутствует и действует в Церкви столь внутренним образом, что делает ее Своим Телом. И Церковь, как Его Тело, живет, трудится и возрастает «до скончания века». Все это осуществляется благодаря Духу Святому.

62. Наиболее полным те(а;?)инственным выражением отшествия Христа через тайну Креста и Воскресения является Евхаристия. В каждом совершении Евхаристии те(а;?)инственно осуществляется Его пришествие и спасительное присутствие: в Жертве и в Причащении. Это совершается силой Духа Святого, будучи частью Его миссии²⁷⁰. Через Евхаристию Дух Святой «утверждает внутреннего человека», о котором говорится в Послании к Ефессянам²⁷¹. Через Евхаристию, люди, как по отдельности так и целые общины, действием Параклита-Утешителя, учатся открывать тот божественный смысл человеческой жизни, о котором говорил Собор: смысл, в котором Иисус Христос «полностью являет человека самому человеку», указывая на «некое сходство между единением Божественных ипостасей и единением сынов Божиих в истине и любви»²⁷². Такое единение особо выражается и реализуется посредством Евхаристии, в которой человек соучаствует в осуществляемой ею жертве Христа и учится, как «обрести себя... через искреннюю самоотдачу»²⁷³, в общении с Богом и другими людьми, своими братьями и сестрами.

Поэтому ранние христиане, начиная с дней сошествия Святого Духа, «пребывали... в преломлении хлеба и в молитвах», и, таким образом, стали общиной, объединенной учением апостолов²⁷⁴. Так «познавали», что их Воскресший Господь, восшедший на небеса, вновь приходит к ним в этой евхаристической общине Церкви и ее посредством. Направляемая Святым Духом, Церковь с самого начала выражала и утверждала свою сущность в Евхаристии. И так было всегда, в каждом поколении христиан, вплоть до наших времен, вплоть до сего кануна завершения второго христианского тысячелетия. Мы должны признать, к сожалению, что это завершающееся тысячелетие стало эпохой великих разделений между христианами. Поэтому все, кто верует во Христа, следуя примеру апостолов, должны приложить все усилия, чтобы привести свои мысли и действия к согласию с волей Духа Святого, «Начала единства Церкви»²⁷⁵, дабы все, крещенные в едином Духе, для того, чтобы стать единым телом, могли братски соединиться в совершении одной Евхаристии, «таинства благочестия, знамения единства, уз любви!»²⁷⁶.

63. Евхаристическое присутствие Христа, Его сакраментальное «Я с вами», позволяет Церкви все глубже раскрывать ее собственную тайну, как о том свидетельствует вся еkkлесиология II Ватиканского Собора, согласно которой «Церковь составляет во Христе своего рода таинство – то есть знамение и орудие – глубокого единения с Богом и единства всего рода человеческого»²⁷⁷. Как таинство, Церковь развивается из Пасхальной Тайны отшествия Христа, живя Его неизменно новым «пришествием», совершающимся силой Духа

Святого внутри того же Его послания как Параклита и Духа Истины. Именно это и составляет сущность тайны Церкви, согласно исповеданию Собора.

Если в силу творения Бог есть Тот, в Ком мы все «живем и движемся и существуем»²⁷⁸, то сила Искупления, в свою очередь, пребывает и развивается в истории человека и мира как бы в двойном «ритме», истоки которого находятся в вечном Отце. С одной стороны, это ритм миссии Сына, пришедшего в мир, родившегося от Марии Девы через действие Духа Святого; а с другой стороны – это также ритм миссии Духа Святого, окончательно явленного Христом. Через отшествие Сына, Дух Святой пришел и продолжает приходить как Утешитель, Дух Истины. А в рамках Его миссии, как бы в незримом присутствии Духа Святого, «ушедший» в Пасхальной Тайне Сын «приходит» и постоянно присутствует в тайне Церкви, иногда скрывая, а иногда открывая Себя в ее истории ход которой Он всегда определяет. Все это происходит теo (а;?)инственным образом, силой Духа Святого, Который, «черпая из сокровищ совершенного Христом Искупления», постоянно животворит. Церковь, постоянно возрастая в осознании этой тайны, более ясно познает сама себя, прежде всего – как таинство.

Это происходит также и потому, что Церковь по воле своего Господа несет спасительное служение людям посредством различных таинств. Всякий раз, когда совершается это теo (а;?)инственное служение, оно несет с собой тайну отшествия Христа через Крест и Воскресение, в силу которого приходит Дух Святой. Он приходит и действует: Он «животворит». Ибо таинства являются знамениями благодати и дают ее: они являются знамениями жизни и животворят. Церковь есть видимая подательница этих священных знамений, а Дух Святой действует в них как незримый податель жизни, которую они знаменуют. Вместе с Духом в этом присутствует и действует Иисус Христос.

64. Если Церковь есть таинство глубокого единения с Богом, то она является этим таинством в Иисусе Христе, в Котором осуществляется спасительная реальность этого единения. Она является таинством в Иисусе Христе через действие Духа Святого. Полнота той спасительной реальности, которой является Христос в истории, т EQ EQ O(а;?)инственно распространяется в силе Духа – Параклита. Итак, Дух Святой есть «другой» или новый Утешитель, поскольку благодаря Его действию Благая Весть воплощается в людских умах и сердцах и распространяется в истории. Всему этому Дух Святой дарует жизнь. Когда мы используем слово «таинство» в отношении Церкви, следует учесть, что в соборных текстах т EQ EQ O(а;?)инственность (сакраментальность) Церкви отличается от той т EQ EQ O(а;?)инственности (сакраментальности) в строгом смысле слова, которая свойственна таинствам. Так, мы читаем: «Церковь составляет во Христе своего рода таинство – то есть знамение и орудие – глубокого единения с Богом». Но то, что заслуживает внимания и что вытекает из данного выражения, в котором это слово использовано в обоих значениях, – это отношение между Церковью и силой Духа Святого, Единого Подателя Жизни: Церковь есть знамение и орудие присутствия и действия животворящего Духа.

II Ватиканский Собор прибавляет, что Церковь есть «таинство... единства всего рода человеческого». Очевидно, что речь идет о том единстве, которое многообразный в себе человеческий род, получает от Бога и в Боге. Это единство коренится в тайне творения и обретает новое измерение в тайне Искупления, целью которой является всеобщее спасение.

Поскольку Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»²⁷⁹, Искупление охватывает все человечество и, в определенном смысле, все творение. В этих универсальных масштабах тайны Искупления и действует Дух Святой, в силу «отшествия Христа». Поэтому и Церковь, посредством своей собственной тайны укорененная в спасительном замысле Святой Троицы, с полным правом считает себя «таинством единства всего рода человеческого». Церковь знает, что она является таковым таинством благодаря силе Духа Святого, знамением и орудием которой в исполнении спасительного замысла Божьего она является.

Так осуществляется «нисхождение» бесконечной Троической Любви: пришествие Бога, незримого Духа к зримому миру. Троичный Бог изначально сообщает Себя человеку в Духе Святом посредством Своего «образа и подобия». Под воздействием того же Духа человек, а через него – сотворенный мир, искупленный Христом, приближаются к своему высшему предназначению в Боге. Церковь есть «таинство, то есть знамение и орудие», этого сближения двух полюсов – творения и Искупления, Бога и человека. Она стремится восстановить и укрепить единство у самых корней человеческого рода: в общении человека с Богом, его Творцом, Господом и Искупителем. Такова истина, о которой, основываясь на учении Собора, мы можем размышлять и которую можем разьяснять и применять во всей полноте ее смысла ныне, на переломе второго и третьего тысячелетия христианства. И мы с радостью все яснее понимаем, что в том служении, которое Церковь исполняет в истории спасения, являющейся частью истории человечества, действует и присутствует Дух Святой, Который дыханием божественной жизни пронизывает земное странствие человека и направляет все творения и всю историю к ее конечной цели, к бесконечному пределу в Боге.

Дух и Невеста говорят: прииди!

65. Дыхание божественной жизни, Дух Святой, является и дает Себя чувствовать – наиболее простым и вместе с тем наиболее обычным образом – в молитве. Прекрасно и спасительно сознавать, что так же, как молитва в прошлом, настоящем и будущем распространена на всей земле, так и Дух Святой повсюду присутствует и действует, «вдыхает» молитву в сердце человека в неизмеримом многообразии самых различных ситуаций и условий, которые частью способствуют духовной и религиозной жизни, частью же препятствуют ей. Очень часто, благодаря действию Духа, молитва возносится из человеческих сердец, несмотря на запреты и преследования, и даже на официальные заявления о безрелигиозном или атеистическом характере общественной жизни.. Молитва всегда остается голосом всех тех, кто, на первый взгляд, лишен права голоса – и в этом голосе всегда слышен отзвук того «сильного вопля», который в Послании к Евреям приписывается Христу²⁸⁰. Молитва – это еще и откровение той бездны, какую представляет собой сердце человека – глубины, которая исходит от Бога и наполнить которую может лишь Бог, именно Духом Святым. У Луки мы читаем: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец небесный даст Духа Святаго просящим у Него»²⁸¹.

Дух Святой – это дар, приходящий в сердце человека с молитвой. В молитве Он более всего и прежде всего являет себя как Дар, который «подкрепляет нас в немощах наших». Эта изумительная мысль развита ап. Павлом в Послании к Римлянам, в котором он пишет: «Ибо

мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными»²⁸². Таким образом, Дух Святой не только содействует нам способными молиться, но и направляет нас в молитве «изнутри»: Он присутствует в нашей молитве и придает ей божественное измерение²⁸³. А «испытующий... сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией»²⁸⁴. Через действие Духа Святого молитва становится все более зрелым выражением нового человека, который посредством этой молитвы участвует в божественной жизни.

В наше трудное время особо велика нужда в молитве. Как в ходе истории – вчера и сегодня – многие мужчины и женщины оставили свидетельство о важности молитвы, посвятив себя, прежде всего в монастырях, к великой пользе Церкви восхвалению Бога и молитвенной жизни, так и в последние годы растет число людей, которые в рамках все более ширящихся движений и групп ставят на первое место молитву и ищут в ней обновления своей духовной жизни. Это важный и утешительный знак, ибо опыт такого рода оказывается истинным вкладом в оживление молитвы среди верных, помогая им увидеть в Духе Святом Того, Кто пробуждает в сердцах глубокое и сильное желание святости. Во многих людях и сообществах зреет осознание того, что при всем стремительном развитии научно-технической цивилизации, и несмотря на ее реальные успехи и одержанные победы, человек и все человечество стоит перед угрозой. Перед лицом этой опасности, сталкиваясь с ужасающей реальностью духовной деградации человека, общество в целом и каждый в отдельности, ведомые внутренним чувством веры, ищут силу, способную вновь восставить человека, спасти его от самого себя, от его собственных ошибок и заблуждений, нередко обращающих собственные его достижения ему же во вред. И, таким образом, они открывают для себя молитву, в которой являет себя Дух, «подкрепляющий нас в немощах наших». Так многие люди в наше время, возвращаясь к молитве, приближаются тем самым к Духу Святому. И я надеюсь, что все найдут в научении этой энциклики пищу для своей внутренней жизни; и да поможет им Святой Дух укрепиться в своих молитвенных усилиях в согласии с Церковью и ее Учительством.

66. Посреди всех проблем нашего времени, разочарований и надежд, отпадения верных и их возвращения, Церковь остается верной тайне своего рождения. То, что Церковь вышла в мир из Сионской Горницы в день Пятидесятницы, является историческим фактом, однако можно в определенном смысле сказать, что она никогда ее не покидала. В духовном смысле событие Пятидесятницы принадлежит не только к прошлому: Церковь всегда пребывает в Горнице, которую она хранит в своем сердце. Церковь пребывает в молитве, подобно тому, как пребывали в молитве, ожидая пришествия Духа Святого, апостолы и Мария, Матерь Христова, и все те, кто стал первым семенем христианской общины в Иерусалиме.

Церковь пребывает в молитве вместе с Марией. Это единство молящейся Церкви с Матерью Христовой принадлежит с самого начала тайне Церкви: Она присутствует в этой тайне так, как Она присутствует в тайне Своего Сына. Собор говорит нам об этом: «Пресвятая... Дева... осененная Святым Духом... родила Сына, Которого Бог поставил первородным между многими братьями (ср. Рим. 8:29), то есть верными, рождению и воспитанию которых Она содействует материнской любовью»; Она «через Свои благодатные дары и служение... тесно связана и с Церковью... [Она] – прообраз Церкви»²⁸⁵. «Итак, Церковь, созерцая Ее

таинственную святость, подражая Ее любви... сама становится Матерью», Церковь также и «дева, которая блюдет... верность, данную Жениху и, подражая Матери своего Господа, силою Святого Духа девственно хранит целостную веру, твердую надежду и искреннюю любовь»²⁸⁶.

Таким образом, можно понять глубокий смысл причины, по которой Церковь, в единении с Девой и Матерью, непрестанно обращается как Невеста к своему божественному Жениху, что подтверждают слова Откровения, приведенные Собором: «Дух и Невеста говорят Господу Иисусу: “Прииди!”»²⁸⁷. Молитва Церкви есть этот непрестанный призыв, в котором «Сам Дух ходатайствует за нас»: в определенном смысле, Сам Дух произносит его с Церковью и в Церкви. Ибо Дух дан Церкви, чтобы благодаря Его силе вся община Народа Божьего, многообразная и рассеянная по земле, могла пребывать в надежде: в той надежде, в которой «мы спасены»²⁸⁸. Это надежда эсхатологическая, надежда на окончательное обретение полноты в Боге, надежда на вечное Царство, осуществляемая участием в жизни Святой Троицы. Дух Святой, данный апостолам как Утешитель, оживотворяет и хранит эту надежду в сердце Церкви.

Ныне, когда приближается третье тысячелетие от Рождества Христова, когда «Дух и Невеста говорят Господу Иисусу “Прииди!”», эта их молитва, как всегда, исполнена эсхатологического значения, которое призвано придать полноту смысла и празднованию великого Юбилея. Эта молитва обращена к спасительным целям, ради которых Дух Святой Своим действием на протяжении всей земной истории открывает сердца людей. Но в то же время эта молитва обращена и к конкретному историческому моменту, подчеркивающему «полноту времени», на которую указывает нам 2000-й год. Церковь желает подготовиться к этому Юбилею в Духе Святом, подобно тому, как была приготовлена Духом Святым Дева из Назарета, в Которой Слово стало плотью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

67. Мы желаем завершить эти размышления в сердце Церкви и в сердце человека. Путь Церкви проходит через сердце человека, ибо здесь в глубокой сокровенности свершается спасительная встреча со Святым Духом, с незримым Богом, и именно здесь Дух Святой становится «источником воды, текущей в жизнь вечную»²⁸⁹. Он приходит сюда, как Дух истины и как Параклит, обетованный Христом. Отсюда Он действует как Утешитель, Ходатай, Заступник, особенно когда человек или человечество оказываются перед обвинительным судом того «клеветника», о котором в Откровении Иоанна говорится, что он «клеветает на них пред Богом нашим день и ночь»²⁹⁰. Дух Святой не перестает быть хранителем надежды в человеческом сердце: надежды всех людей, и особенно тех, кто, «имея начаток Духа», «ожидает искупления своего тела»²⁹¹.

Дух Святой, таинственно соединенный узами божественного общения с Искупителем человека, постоянно продолжает Его дело: Он берет от принадлежащего Христу и передает всем, непрестанно вступая в историю мира через сердце человека. Так Он становится, как провозглашает литургическая секвенция Торжества Пятидесятницы, «Отцом сирот, Подателем благ, Незримым Светом», «Светлым Гостем душ», Которого Церковь неустанно приветствует на пороге внутренней тайны каждого человека. Посреди тягот, посреди трудов

рук и разума человека Он приносит «тихий отдых от трудов», «свежий ветер» в знойный день, «отдых» посреди тревог, борьбы и опасности каждой эпохи; наконец, Он приносит «утешение» человеческому сердцу, когда оно плачет и искушается отчаянием.

И потому в той же секвенции Церковь восклицает: «Без согласия Твоего человек беспомощен, нет от зла защиты нам». Ведь лишь Дух Святой «обличает о грехе», обличает зло, чтобы восстановить благое в человеке и в мире, чтобы «обновить лик земли». Итак, Он очищает от всего, что «оскверняет» человека, от всего «нечистого»; Он исцеляет даже самые глубокие раны человеческого существования, Он орошает сухость душ, превращая их в плодородные поля благодати и святости. Он «умягчает жестокое», «согревает озябшее», «направляет заблудшее» на пути спасения²⁹².

Молясь таким образом, Церковь непрестанно исповедует свою веру в то, что в нашем сотворенном мире есть Дух, являющийся несотворенным Даром. Он – Дух Отца и Сына: подобно Отцу и Сыну, Он несотворен, беспределен, вечен, всемогущ, Бог и Господь²⁹³. Этот Дух Божий «наполняет вселенную» и все сотворенное познает в Нем источник своей подлинной сущности, обретает в Нем свое высшее выражение, обращается к Нему и ожидает Его, призывая Его всем своим существом. Человек, живущий истиной и любовью, и не способный жить без источника истины и любви, обращается к Нему как к Параклиту, Духу истины и любви. К Нему обращается Церковь, которая есть сердце человечества, чтобы вымолить для всех и раздавать всем те дары любви, которые через Него «изливаются в сердца наши»²⁹⁴. К Нему обращается Церковь на извилистых путях земного странствия человека: она молит и молит непрестанно, чтобы и дела людей были праведны по Его деянию; она молит о радости и утешении, которые лишь Он, истинный Утешитель, может принести, сойдя в глубину людских сердец²⁹⁵; Церковь молит о благодати добродетелей, достойных небесной славы, молит о вечном спасении, обретаемом в полноте сообщения божественной жизни, к которой Отец предвечно «предопределил» людей, создав их в любви по образу и подобию Пресвятой Троицы.

Церковь всем своим сердцем, охватывающим все людские сердца, молит Духа Святого о ниспослании того счастья, которое в полноте осуществимо лишь в Боге: о радости, «которую никто не отнимет»²⁹⁶, о радости, которая есть плод любви, и, значит, плод Божий, ибо Бог – это Любовь; она молит о «праведности и мире и радости во Святом Духе», в чем, по словам апостола Павла, и заключается Царствие Божие²⁹⁷.

Мир – это тоже плод любви: тот внутренний мир, которого утомленный человек ищет в глубине своего существа, тот мир, о котором молит человечество, человеческий род, народы, страны, континенты, с трепетной надеждой обрести его на переломе второго и третьего тысячелетий. Поскольку путь мира в конечном счете ведет через любовь, и устремлен к созданию цивилизации любви, Церковь взирает на Того, Кто есть Любовь Отца и Сына, и, несмотря на растущие угрозы, не перестает верить, не перестает взывать о мире и служить миру человека на земле. Ее вера основана на Том, Кто, будучи Духом-Любовью, является также и Духом мира и непрестанно пребывает в нашем человеческом мире, в совести и сердце человека, чтобы «наполнить вселенную» любовью и миром.

Перед Ним я преклоняю колена в завершение этих размышлений и молю о том, чтобы Он

даровал всем нам – как Дух Отца и Сына – благословение и благодать, которые я желаю, во имя Пресвятой Троицы, передать сынам и дочерям Церкви и всему человеческому роду.

Дано в Риме, у Св. Петра, 18 мая, в Торжество Пятидесятницы 1986 года, в восьмой год моего Понтификата

ИОАНН ПАВЕЛ II

Перевод: Павел Парфентьев

Редакция и коррекция: Agnuz

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ин. 7:37 и далее.

² Ин. 7:39.

³ Ср. Ин. 4:14; ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 4.

⁴ Ср. Ин. 3:5.

⁵ Ср. Папа Лев XIII, Энциклика *Divinum Illud Munus* (9 мая 1897): *Acta Leonis*, 17 (1898), pp. 125-148; Папа Пий XII, Энциклика *Mystici Corporis* (29 июня 1943): *AAS* 35 (1943), pp. 193-248.

⁶ Общая аудиенция 6 июня 1973: *Insegnamenti di Paolo VI*, XI (1973), 477.

⁷ Римский Миссал; ср. 2 Кор. 13:13.

⁸ Ин. 3:17.

⁹ Флп. 2:11.

¹⁰ Ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 4; Папа Иоанн Павел II, Обращение к участникам Международного Конгресса по пневматологии (26 марта 1982), I: *Insegnamenti V/1* (1982), p. 1004.

¹¹ Ср. Ин. 4:24.

¹² Ср. Рим. 8:22; Гал. 6:15.

¹³ Ср. Мф. 24:35.

¹⁴ Ин. 4:14.

¹⁵ II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 17.

¹⁶ Аллон параклетон: Ин. 14:16.

¹⁷ Ин. 14:13, 16 и далее.

¹⁸ Ср. 1 Ин. 2:1.

¹⁹ Ин. 14:26.

²⁰ Ин. 15:26 и далее.

²¹ Ср. 1 Ин. 1:1-3; 4:14.

²² «Открытые Богом истины, которые содержатся и излагаются в Священном Писании, были записаны под вдохновением от Святого Духа», и потому это Священное писание надлежит «читать и толковать с помощью того же Духа, под воздействием Которого оно было написано»: II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном откровении *Dei Verbum*, 11, 12.

²³ Ин. 16:12 и далее.

²⁴ Деян. 1:1.

²⁵ Ин. 16:14.

²⁶ Ин. 16:15.

- ²⁷ Ин. 16:7 и далее.
- ²⁸ Ин. 15:26.
- ²⁹ Ср. Ин. 14:16.
- ³⁰ Ср. Ин. 14:26.
- ³¹ Ср. Ин. 15:26.
- ³² Ср. Ин. 14:16.
- ³³ Ин. 16:7.
- ³⁴ Ср. Ин. 3:16 и далее, 34; 6:57; 17:3, 18, 23.
- ³⁵ Мф. 28:19.
- ³⁶ Ср. 1 Ин. 4:8, 16.
- ³⁷ Ср. 1 Кор. 2:10.
- ³⁸ Ср. Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae*. Ia, qq. 37-38.
- ³⁹ Рим. 5:5.
- ⁴⁰ Ин. 16:14.
- ⁴¹ Быт. 1:1 и далее.
- ⁴² Быт. 1:26.
- ⁴³ Рим. 8:19-22.
- ⁴⁴ Ин. 16:7.
- ⁴⁵ Гал. 4:6; ср. Рим. 8:15.
- ⁴⁶ Ср. Гал. 4:6; Флп. 1:19; Рим. 8:11.
- ⁴⁷ Ср. Ин. 16:6.
- ⁴⁸ Ср. Ин. 16:20.
- ⁴⁹ Ср. Ин. 16:7.
- ⁵⁰ Деян. 10:37 и далее.
- ⁵¹ Ср. Лк. 4:16-21; 3:16; 4:14; Мк. 1:10.
- ⁵² Ис. 11:1-3.
- ⁵³ Ис. 61:1 и далее.
- ⁵⁴ Ис. 48:16.
- ⁵⁵ Ис. 42:1.
- ⁵⁶ Ср. Ис. 53:5-6, 8.
- ⁵⁷ Ис. 42:1.
- ⁵⁸ Ис. 42:6.
- ⁵⁹ Ис. 49:6.
- ⁶⁰ Ис. 59:21.
- ⁶¹ Ср. Лк. 2:25-35.
- ⁶² Ср. Лк. 1:35.
- ⁶³ Ср. Лк. 2:19, 51.
- ⁶⁴ Ср. Лк. 4:16-21; Ис. 61:1 и далее.
- ⁶⁵ Лк. 3:16; ср. Мф. 3:11; Мк. 1:7 и далее; Ин. 1:33.
- ⁶⁶ Ин. 1:29.
- ⁶⁷ Ср. Ин. 1:33 и далее.
- ⁶⁸ Лк. 3:21 и далее.; ср. Мф. 3:16; Мк. 1:10.
- ⁶⁹ Мф. 3:17.
- ⁷⁰ Ср. Св. Василий Великий, *De Spiritu Sancto*, XVI, 39: PG 32, 139.
- ⁷¹ Деян. 1:1.

- ⁷² Ср. Лк. 4:1.
- ⁷³ Ср. Лк. 10:17-20.
- ⁷⁴ Лк. 10:21; ср. Мф. 11:25 и далее.
- ⁷⁵ Лк. 10:22; ср. Мф. 11:27.
- ⁷⁶ Мф. 3:11; Лк. 3:16.
- ⁷⁷ Ин. 16:13.
- ⁷⁸ Ин. 16:14.
- ⁷⁹ Ин. 16:15.
- ⁸⁰ Ср. Ин. 14:26; 15:26.
- ⁸¹ Ин. 3:16.
- ⁸² Рим. 1:3 и далее.
- ⁸³ Иезек. 36:26 и далее.; ср. Ин. 7:37-39; 19:34.
- ⁸⁴ Ин. 16:7.
- ⁸⁵ Св. Кирилл Александрийский, *In Ioannis Evangelium*, lib. V, cap. II: PG 73, 755.
- ⁸⁶ Ин. 20:19-22.
- ⁸⁷ Ср. Ин. 19:30.
- ⁸⁸ Ср. Рим. 1:4.
- ⁸⁹ Ср. Ин. 16:20.
- ⁹⁰ Ин. 16:7.
- ⁹¹ Ин. 16:15.
- ⁹² II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 4.
- ⁹³ Ин. 15:26 и далее.
- ⁹⁴ II Ватиканский Собор, Декрет о миссионерской деятельности Церкви *Ad Gentes*, 4.
- ⁹⁵ Ср. Деян. 1:14.
- ⁹⁶ Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 4. Существует целая Святоотеческая богословская традиция в отношении тесного единства между Духом Святым и Церковью, единства, иногда представляемого по аналогии с отношениями между душой и телом человека: ср. св. Ириней, *Adversus Haereses*, III, 24, 1: SC 211, pp. 470-474; св. Августин, *Sermo* 267, 4, 4: PL 38, 1231; *Sermo* 268, 2: PL 38, 1232; *In Iohannis Evangelium Tractatus*, XXV, 13; XXVII, 6: CCL 36, 266, 272 и далее; св. Григорий Великий, *In Septem Psalmos Poenitentiales Expositio*, Psal. V, 1: PL 79, 602; Дидим Александрийский, *De Trinitate*, II, 1: PG 39, 449 и далее; св. Афанасий, *Oratio* 111 *Contra Arianos*, 22, 23, 24: PG 26, 368 и далее, 372 и далее; св. Иоанн Златоуст, *In Epistolam ad Ephesios*, Homil. IX, 3: PG 62, 72 и далее. Св. Фома Аквинский осуществил синтез предшествовавшей Святоотеческой и богословской традиции, представив Духа Святого как «сердце» и «душу» Церкви; ср. *Summa Theologiae*, III, q. 8, a. 1, ad 3; *In Symbolum Apostolorum Expositio*, a. IX; *In Tertium Librum Sententiarum*, Dist. XIII, q. 2, a. 2, Quaestiuncula 3.
- ⁹⁷ Ср. Откр. 2:29; 3:6, 13, 22.
- ⁹⁸ Ср. Ин. 12:31; 14:30; 16:11.
- ⁹⁹ Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 1.
- ¹⁰⁰ Там же, 41.
- ¹⁰¹ Ср. там же, 26.
- ¹⁰² Ин. 16:8.
- ¹⁰³ Ин. 16:7.
- ¹⁰⁴ Ин. 16:8-11.
- ¹⁰⁵ Ср. Ин. 3:17; 12:47.
- ¹⁰⁶ Ср. Ефес. 6:12.
- ¹⁰⁷ Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 2.

- ¹⁰⁸ Ср. там же, 10, 13, 27, 37, 63, 73, 79, 80.
- ¹⁰⁹ Деян. 2:4.
- ¹¹⁰ Ср. св. Иринея, *Adversus Haereses*, III, 17, 2: SC 211, pp. 330-332.
- ¹¹¹ Деян. 1:4, 5, 8.
- ¹¹² Деян. 2:22-24.
- ¹¹³ Ср. Деян. 3:14 и далее.; 4:10, 27 и далее; 7:52; 10:39; 13:28 и далее; и т. д.
- ¹¹⁴ Ср. Ин. 3:17; 12:47.
- ¹¹⁵ Деян. 2:36.
- ¹¹⁶ Деян. 2:37 и далее.
- ¹¹⁷ Ср. Мк. 1:15.
- ¹¹⁸ Ин. 20:22.
- ¹¹⁹ Ср. Ин. 16:9.
- ¹²⁰ Осия 14:14 (Вульгата); ср. 1 Кор. 15:55.
- ¹²¹ Ср. 1 Кор. 2:10.
- ¹²² Ср. 2 Фесс. 2:7.
- ¹²³ Ср. 1 Тим. 3:16.
- ¹²⁴ Ср. *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 19-22: AAS 77 (1985), pp. 229-233.
- ¹²⁵ Ср. Быт. 1-3.
- ¹²⁶ Ср. Рим. 5:19; Флп. 2:8.
- ¹²⁷ Ср. Ин. 1:1, 2, 3, 10.
- ¹²⁸ Ср. Кол. 1:15-18.
- ¹²⁹ Ср. Ин. 8:44.
- ¹³⁰ Ср. Быт. 1:2.
- ¹³¹ Ср. Быт. 1:26, 28, 29.
- ¹³² Догматическая конституция о Божественном откровении *Dei Verbum*, 2.
- ¹³³ Ср. 1 Кор. 2:10 и далее.
- ¹³⁴ Ср. Ин. 16:11.
- ¹³⁵ Ср. Флп. 2:8.
- ¹³⁶ Ср. Быт. 2:16 и далее.
- ¹³⁷ Быт. 3:5.
- ¹³⁸ Ср. Быт. 3:22 в отношении "древа жизни"; ср. Тж . Ин. 3:36; 4:14; 5:24; 6:40, 47; 10:28; 12:50; 14:6; Деян. 13:48; Рим. 6:23; Гал. 6:8; 1 Тим. 1:16; Тит. 1:2; 3:7; 1 Петр. 3:22; 1 Ин. 1:2; 2:25; 5:11, 13; Откр. 2:7.
- ¹³⁹ Ср. св. Фома Аквинский, *Summa Theo.*, Ia-IIae, q. 80, a. 4, ad 3.
- ¹⁴⁰ Ср. 1 Ин. 3:8.
- ¹⁴¹ Ср. Ин. 16:11.
- ¹⁴² Ср. Ефес. 6:12; Лк. 22:53.
- ¹⁴³ Ср. св. Августин, *De Civitate Dei*, XIV, 28: CCL 48, p. 451.
- ¹⁴⁴ Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 36.
- ¹⁴⁵ В греческом использован глагол *paraklein*, означающий «призывать, звать к себе».
- ¹⁴⁶ Ср. Быт. 6:7.
- ¹⁴⁷ Быт. 6:5-7.
- ¹⁴⁸ Ср. Рим. 8:20-22.
- ¹⁴⁹ Ср. Мф. 15:32; Мк. 8:2.
- ¹⁵⁰ Евр.9:13 и далее.
- ¹⁵¹ Ин. 20:22 и далее.

- ¹⁵² Деян. 10:38.
- ¹⁵³ Евр.5:7 и далее.
- ¹⁵⁴ Евр.9:14.
- ¹⁵⁵ Ср. Лев. 9:24; 3 Цар. 18:38; 2 Пар. 7:1.
- ¹⁵⁶ Ср. Ин. 15:26.
- ¹⁵⁷ Ин. 20:22 и далее.
- ¹⁵⁸ Мф. 3:11.
- ¹⁵⁹ Ср. Ин. 3:8.
- ¹⁶⁰ Ин. 20:22 и далее.
- ¹⁶¹ Ср. секвенция *Veni, Sancte Spiritus*.
- ¹⁶² Св. Бонавентура, *De Septem Donis Spiritus Sancti*, Collatio II, 3: Ad Claras Aquas, V, 463.
- ¹⁶³ Мк. 1:15.
- ¹⁶⁴ Ср. Евр.9:14.
- ¹⁶⁵ Ср. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 16.
- ¹⁶⁶ Ср. Быт. 2:9, 17.
- ¹⁶⁷ II Ватиканский Собор, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 16.
- ¹⁶⁸ Там же, 27.
- ¹⁶⁹ Ср. там же, 13.
- ¹⁷⁰ Ср. Пост-синодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 16: AAS 77 (1985), pp. 213-217.
- ¹⁷¹ Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 10.
- ¹⁷² Ср. Рим. 7:14-15, 19.
- ¹⁷³ Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 37.
- ¹⁷⁴ Там же, 13.
- ¹⁷⁵ Там же, 37.
- ¹⁷⁶ Ср. *Reple Cordis Intima* из секвенции Пятидесятницы.
- ¹⁷⁷ Ср. св. Августин, *Enarr. in Ps. XLI*, 13: CCL, 38, 470: «Что это за бездна, и что она призывает? Если бездна означает глубину, то не помыслим ли мы, что сердце человеческое есть бездна? Что есть более глубокое, чем она? Люди могут говорить, видны плоды рук их, слышна речь их; но чьи мысли можно постичь, чье сердце можно прочесть?»
- ¹⁷⁸ Ср. Евр.9:14.
- ¹⁷⁹ Ин. 14:17.
- ¹⁸⁰ Мф. 12:31 и далее.
- ¹⁸¹ Мк. 3:28 и далее.
- ¹⁸² Лк. 12:10.
- ¹⁸³ Св. Фома Аквинский, *Summa Theo.* IIa-IIae, q. 14, a. 3: ср. св. Августин, *Epist.* 185, 11, 48-49: PL 33, 814 и далее; св. Бонавентура *Comment. in Evang. S. Lucae*, C. XIV, 15-16: Ad Claras Aquas VII, 314 и далее.
- ¹⁸⁴ Ср. Пс. 81/80:13; Иер. 7:24; Мк. 3:5.
- ¹⁸⁵ Пост-синодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 18: AAS 77 (1985), pp. 224-228.
- ¹⁸⁶ Папа Пий XII, Радиообращение к Национальному Катехетическому Конгрессу в США в Бостоне (26 октября 1946): *Discorsi e Radiomessaggi*, VIII (1946), 288.
- ¹⁸⁷ Пост-синодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 18: AAS 77 (1985), pp. 225 и далее.
- ¹⁸⁸ 1 Фесс.

5:19; Ефес. 4:30.

189 Ср. Пост-синодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 14-22: AAS 77 (1985), pp. 211-233.

190 Ср. св. Августин, *De Civitate Dei*, XIV 28: CCL 48, 451.

191 Ср. Ин. 16:11.

192 Ср. Ин. 16:15.

193 Ср. Гал. 4:4.

194 Откр. 1:8; 22:13.

195 Ин. 3:16.

196 Гал. 4:4 и далее.

197 Лк. 1:34 и далее.

198 Мф. 1:18.

199 Мф. 1:20 и далее.

200 Ср. св. Фома Аквинский, *Summa Theo.* IIIa, q. 2, aa. 10-12; q. 6, a. 6; q. 7, a. 13.

201 Лк. 1:38.

202 Ин.1:14.

203 Кол. 1:15.

204 Ср., к примеру, Быт. 9: 11; Втор. 5:26; Иов. 34:15; Ис. 40:6; 42:10; Пс. 145/144:21; Лк. 3:6; 1 Петр. 1:24.

205 Лк. 1:45.

206 Ср. Лк. 1:41.

207 Ср. Ин. 16:9.

208 2 Кор. 3:17.

209 Ср. Рим. 1:5.

210 Рим. 8:29.

211 Ср.Ин. 1:14,4, 12 и далее.

212 Ср. Рим. 8:14.

213 Ср. Гал. 4:6; Рим. 5:5; 2 Кор. 1:22.

214 Рим. 8:15.

215 Рим. 8:16 и далее.

216 Ср. Пс. 104/103:30.

217 Рим. 8:19.

218 Ср. Рим. 8:29.

219 Ср. 2 Петр. 1:4.

220 Ср. Ефес. 2:18; Догматическая конституция о Божественном откровении *Dei Verbum*, 2.

221 Ср. 1 Кор. 2:12.

222 Ср. Ефес. 1:3-14.

223 Ефес. 1:13 и далее.

224 Ср. Ин. 3:8.

225 Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 22; ср. Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 16.

226 Ин. 4:24.

227 Там же

228 Ср. св. Августин, *Confess.*, III, 6, 11: CCL 27, 33.

229 Ср. Тит. 2:11.

230 Ср. Ис. 45:15.

231 Ср. Прем. 1:7.

- 232 Лк. 2:27, 34.
- 233 Гал. 5:17.
- 234 Гал. 5:16 и далее.
- 235 Ср. Гал. 5:19-21.
- 236 Гал. 5:22 и далее.
- 237 Гал. 5:25.
- 238 Ср. Рим. 8:5, 9.
- 239 Рим. 8:6, 13.
- 240 Рим. 8:10, 12.
- 241 Ср. 1 Кор. 6:20.
- 242 Ср. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 19, 20, 21.
- 243
- Лк. 3:6; ср. Ис. 40:5.
- 244 Ср. Рим. 8:23.
- 245 Рим. 8:3.
- 246 Рим. 8:26.
- 247 Рим. 8:11.
- 248 Рим. 8:10.
- 249 Ср.циклика *Redemptor Hominis* (4 марта 1979), 14: AAS 71 (1979), pp. 284 и далее.
- 250 Ср. Прем. 15:3.
- 251 Ср. Ефес. 3:14-16.
- 252 Ср. 1 Кор. 2:10 и далее.
- 253 Ср. Рим. 8:9; 1 Кор. 6:19.
- 254 Ср. Ин. 14:23; св. Иринея, *Adversus Haereses*, V, 6, 1: SC 153, pp. 72-80; св. Иларий, *De Trinitate*, VIII, 19, 21: PL 10, 250, 252; св. Амвросий Медиоланский, *De Spiritu Sancto*, I, 6, 8: PL 16, 752 и далее; св. Августин, *Enarr. in Ps. XLIX*, 2: CCL 38, pp. 575 и далее; св. Кирилл Александрийский, *In Ioannis Evangelium*, lib. I; II: PG 73, 154-158; 246; lib. IX: PG 74, 262; св. Афанасий, *Oratio III Contra Arianos*, 24: PG 26, 374 и далее.; *Epist. I ad Serapionem*, 24: PG 26, 586 и далее; Дидим Александрийский, *De Trinitate*, II, 6-7: PG 39, 523-530; св. Иоанн Златоуст, *In Epist. ad Romanos Homilia XIII*, 8: PG 60, 519; св. Фома Аквинский, *Summa Theo.* Ia, q. 43, aa. 1, 3-6.
- 255 Ср. Быт. 1:26 и далее; св. Фома Аквинский, *Summa Theo.* Ia, q. 93, aa. 4, 5, 8.
- 256 Ср. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 24; ср. тж.25.
- 257 Ср. там же, 38, 40.
- 258 Ср. 1 Кор. 15:28.
- 259 Ср. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 24.
- 260 Ср. св. Иринея, *Adversus Haereses*, IV, 20, 7: SC 100/2, p. 648.
- 261 Св. Василий Великий, *De Spiritu Sancto*, IX, 22: PG 32, 110.
- 262 Ср. Рим. 8:2.
- 263 2 Кор. 3:17.
- 264 Ср. II Ватиканский Собор, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 53-59.
- 265 Там же, 38.
- 266 1 Кор. 8:6.
- 267 Ин. 16:7.
- 268 Ин. 14:18.
- 269 Мф. 28:20.
- 270 Именно это выражает *epiclesis* перед освящением Даров: «Освяти эти дары силой Духа Твоего, чтобы они стали для нас Телом и

Кровью Господа нашего Иисуса Христа» (Евхаристическая молитва II).

271 Ср. Ефес. 3:16.

272 Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 24.

273 Ср. там же.

274 Ср. Деян. 2:42.

275 Ср. II Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis Redintegratio*, 2.

276 Св. Августин, *In Ioannis Evangelium Tractatus XXVI*, 13, CCL 36, p. 266; ср. II Ватиканский Собор, Конституция о Священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 47.

277 Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 1.

278 Деян. 17:28.

279 1 Тим. 2:4.

280 Ср. Евр.5:7.

281 Лк. 11:13.

282 Рим. 8:26.

283 Ср. Ориген, *De Oratone*, 2: PG 11, p. 419-423.

284 Рим. 8:27.

285 Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 63.

286 Там же, 64.

287 Там же, 4; ср. Откр. 22:17.

288 Ср. Рим. 8:24.

289 Ср. Ин. 4:14; Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 4.

290 Ср. Откр. 12:10.

291 Ср. Рим. 8:23.

292 Ср. секвенция *Veni, Sancte Spiritus*.

293 Ср. Символ *Quicumque* : DS 75.

294 Ср. Рим. 5:5.

295 Здесь следует упомянуть важное Апостольское обращение *Gaudete in Domino*, опубликованное Папой Павлом VI в Святой Год, 9 мая 1975 г.; сохраняет значимость выраженное там приглашение «молить Святого Духа о даре радости», а также «ценить подлинную духовную радость, которая есть плод Духа Святого»: AAS 67 (1975), pp. 289, 302.

296 Ср. Ин. 16:22.

297 Ср. Рим. 14:17; Гал. 5:22.